Есаул А. С. Макѣев

Бог Войны-Барон Унгерн

Воспоминанія бывшаго адъютанта
Начальника Азіатской Конной Дивизіи

Книгоиздательство
А. П. Малык и В. П. Камкина
Шанхай
1934

—:o:—

Книга отпечатана в собственной типографіи книгоиздательства
78 Route Paul Henry, Shanghai

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящая книга моих воспоминаній абсолютно не является каким либо выпадом против бѣлаго движенія, что может заключить непродуманная мысль поверхностнаго читателя, это есть фотографическій снимок того, в каких иногда формах проявлялось бѣлое движеніе на этапах бѣло-красной борьбы.

Прошли годы и нынѣ вы не найдете ни одного унгерновца, который бы не сохранил теплую память о своем жестоком и, иногда, бѣшено свирѣпом начальникѣ.

Барон Унгерн являлся исключительным человѣком, не знавшим в своей жизни никаких компромиссов, человѣком кристальной честности и безумной храбрости.

Он искренне болѣл душою за порабощаемую красным звѣрем Россію, болѣзненно чутко воспринимал все, что таило в себѣ красную муть и жестоко расправлялся с заподозрѣнными.

Будучи сам идеальным офицером, барон Ун-

герн с особой щепетильностью относился к офицерскому составу, который не миновала общая разруха и который, в нѣкотором своем числѣ проявлял инстинкты, совершенно не соотвѣтствующіе офицерскому званію. Этих людей барон карал с неумолимой строгостью, тогда как солдатской массы его рука касалась очень рѣдко.

Будучи сам абсолютным безсеребренником, барон Унгерн ставил в основу своих походов полную защиту мирнаго населенія и послѣднее, ближе ознакомившись с унгерновцами, цѣнило это.

Создав первоклассную по дисциплинѣ и боеспособности Азіатскую Конную Дивизію, барон Унгерн всегда говорил, что или всѣ они сложат головы или доведут борьбу с красными до побѣднаго конца.

Ни то, ни другое не осуществилось, барон трагически погиб и причиной этого был он сам.

Отдавшись стихійным порывам жестокой борьбы с красными, он, постепенно, превратился в маніака и сдѣлал то, что боготворившая его дивизія принуждена была поднять против него бунт.

На фонѣ жестокой гражданской борьбы барон Унгерн невольно переступил черту дозволеннаго даже в этой красно-бѣлой свистоплягкѣ и погиб. Так должно было быть и так об этом говорила та Карма, о которой часто упоминал сам Начальник Азіатской Конной Дивизіи.

Многое в его гибели и в гибели первоклассной боевой дивизіи сыграли и нѣкоторые окружающіе, которые, по какому то таинственному закону, всегда окружали тѣх идейных вождей, которые появлялись на фонѣ гражданской войны за

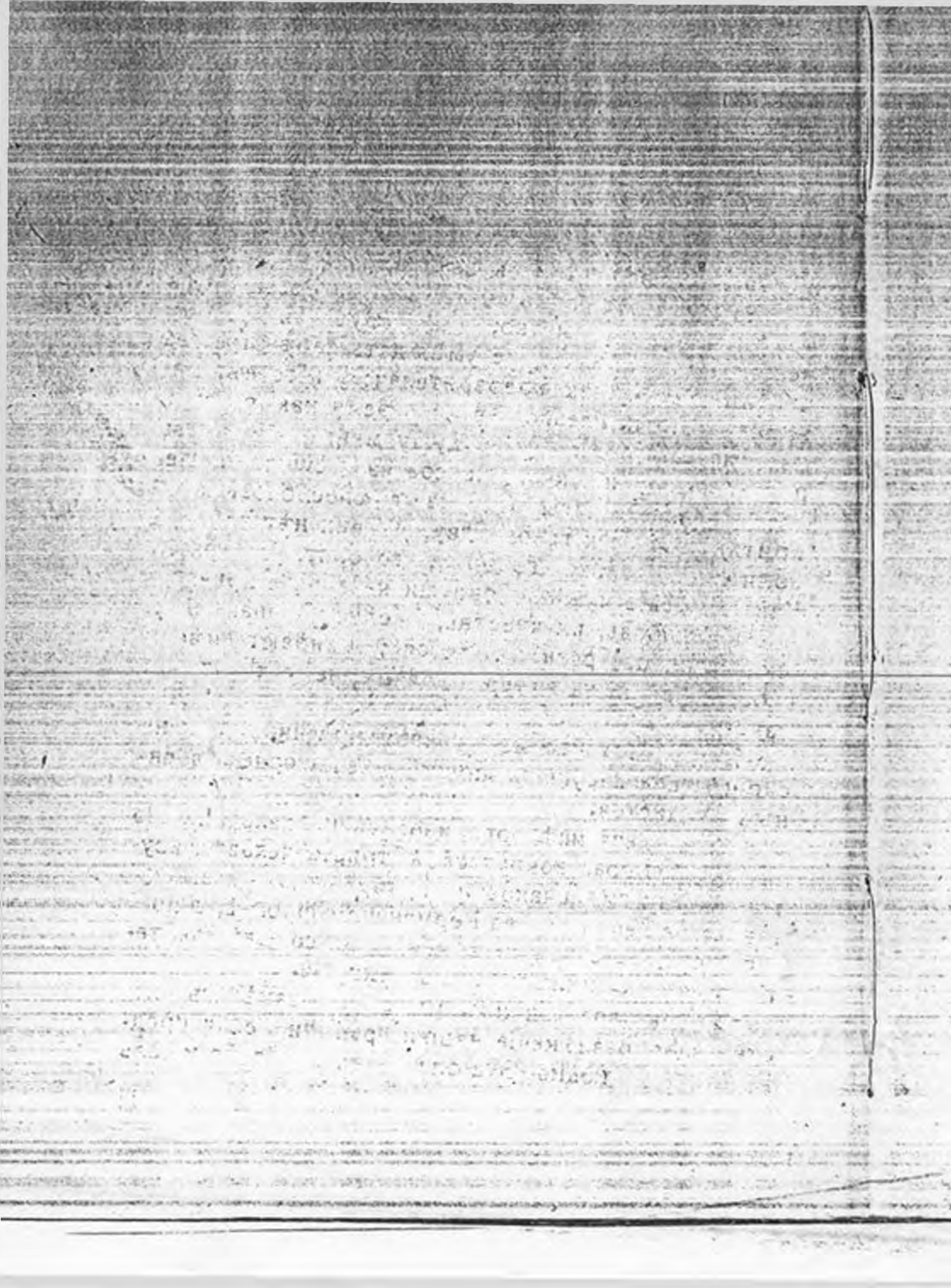
бѣлую идею.

И эти обреченные вожди прекрасно учитывали гнусную роль своих преступных помощников, но, опять таки, каким то роком, не могли отбросить их от себя, как моральную падаль, заражающую воздух.

Прошли года и голос тѣх унгерновцев, которые на себѣ испытали жестокіе удары бароновскаго ташура, тепло говорят о своем погибшем начальникѣ.

А это указывает на то, что барон Унгерн-Штернберг был исключительный по идеѣ и водительству человѣк и если бы не неумолимая судьба, он сыграл бы со своими азіатскими всадниками крупную роль в борьбѣ с красными за РУСЬ ПРАВОСЛАВНУЮ.

Автор.

УНГЕРН О СЕБѢ.

— Мое имя окружено такими ужасными легендами, что человѣку трудно разобраться, гдѣ правда и гдѣ вымысел или клевета, рожденная страхом и ненавистью.

Семья баронов Унгерн-Штернбергов принадлежит роду ведущему свое начало еще со времен Атиллы. В жилах моих предков течет кровь гуннов, германцев и венгров.

Мои воинственные предки принимали участіе почти во всѣх европейских столкновеніях и войнах, — были, конечно, и крестоносцами. Один из Унгернов сражался под начальством Ричарда Львиное Сердце и был убит под стѣнами Іерусалима... Даже трагическій крестовый поход дѣтей не обошелся без нашего участія и в нем погиб Ральф Унгерн — мальчик 11-ти лѣт. В XII столѣтіи, когда орден меченосцев появился на восточном рубежѣ Германіи, чтобы вести борьбу против язычников — славян, литовцев и латышей, между ними находился и мой прямой предок — барон Гильза

Унгерн-Штернберг. Там был организован орден нѣмецких рыцарей для распространенія христіанства огнем и мечем среди покоренных народов.

Генрих Унгерн-Штернберг, прозванный «Топором», был странствующим рыцарем и побѣдителем во многих турнирах Франціи, Англіи, Испаніи и Италіи. Он погиб в Кадикоѣ, гдѣ нашел достойнаго противника, который разрубил его шлем вмѣстѣ с головой.

Барон Ральф Унгерн был пиратом и грозой кораблей плававших в Балтійском морѣ.

Барон Петр Унгерн также рыцарь-пират, владѣлец замка на островѣ Даго, — из своего разбойничаго гнѣзда господствовал над всей морской торговлей того времени в Прибалтикѣ.

В началѣ XVIII столѣтія был извѣстен нѣкій Вильгельм Унгерн, занимавшійся алхиміей и прозванный за это „братом сатаны."

Морским разбойником был и мой дѣд; он собирал дань с англійских купцов в Индійском океанѣ.

Англійскія власти долго не могли его схватить, а когда его наконец поймали, то выдали русскому правительству.

Я тоже морской офицер, но русско-японская война заставила меня бросить спеціальность и перейти в Забайкальское казачье войско.

Всю свою жизнь я посвятил войнѣ и изученію буддизма.

В Забайкальѣ я пытался создать орден военных буддистов... но безуспѣшно.

Великій дух міра поставил у порога нашей жизни Карму, которая не знает ни милости, ни злобы...

Я имѣл намѣреніе организовать в Россіи орден военных буддистов. Для чего? Для защиты нормальнаго эволюціоннаго процесса и процесса человѣчества и для борьбы с революціей, — ибо я убѣжден, что эволюція приближает нас к божеству, а революція — к звѣрю.

Но мнѣ предстояло работать в Россіи, гдѣ крестьянство неграмотно, дико, грубо и потому ненавидит всѣх и все, не умѣя дать себѣ отчет за что именно. Мужик подозрителен; у него нѣт никаких свѣтлых идеалов, в то время как русская интелигенція отдала свою душу мнимым идеалам, не имѣющим никаких шансов на осуществленіе. Русскіе интелигенты обладают способностью к критикѣ, но не к творчеству... У них нѣт никакой воли и они только говорят, говорят, говорят... Как и русскіе мужики, они ни к чему не привязаны. Их любовь, их чувства, — одно воображеніе... Их мысли, настроенія родятся и умирают вмѣстѣ с брошенными на вѣтер словами, не оставляя никакого слѣда...

Вот поэтому то мои единомышленники очень скоро стали нарушать постановленія ордена военных буддистов.

Да, ордена мнѣ организовать не удалось!... Но все-же я собрал вокруг себя триста человѣк изумительных смѣльчаков и храбрецов, выказывавших свое геройство на Германском фронтѣ, а позже в борьбѣ с большевиками. К сожалѣнію, теперь из них уцѣлѣли лишь немногіе.

Еще во время войны мы стали замѣчать постепенное разложеніе нашей арміи и могли предвидѣть революцію. Эта опасность породила мысль

выработать план, по которому всѣ монгольскія племена, еще не забывшія своих старых вѣрованій и обычаев, должны были быть слиты в одно азіатское государство.

Нѣкоторые из моих единомышленников не любят меня за строгость и быть может даже жестокость, не понимая того, что мы боремся не с политической партіей, а с сектой разрушителей современной культуры... Развѣ итальянцы не казнят членов «Черной руки»?... Развѣ американцы не убивают элктричеством анархистов-бомбометателей?... Почему же мнѣ не может быть позволено также освободить міp от тѣх, кто убивает душу народа?... Против убійц я знаю только одно средство — смерть.

ЧЕРНАЯ ТЕЛѢГА.

Было начало августа 1920 года. По приказу барона Унгерна полки Азіатской конной дивизіи: Анненковскій и 1-ый Татарскій выступили в 1-ый Забайкальскій отдѣл для борьбы с красными.

Анненковским полком командывал войсковой старшина Циркулинскій и Татарским генерал-маіор Борис Петрович Рѣзухин.

В Дауріи — цитадели барона остались китайская сотня под командованіем подпоручика Гущина и японская сотня капитана Судзуки и обоз. Над всѣм этим резервом начальствовать стал знаменитый человѣк-звѣрь подполковник Леонид Сипайлов. Человѣк, в котором совмѣстилось все темное, что окутывает человѣка: садизм и ложь, звѣрство и клевета, человѣконенавистничество и лесть, вопіющая подлость и хитрость, кровожадность и трусость. Сгорбленная маленькая фигурка, издающая ехидное хихиканье, наводила ужас на окружающих.

Послѣ ухода полков и занятія ими красной

Акши, барон улетѣл на аэропланѣ туда же. Сипайлову было приказано забрать всѣ снаряды, винтовки, патроны и с охраной итти на Акшу.

В концѣ августа выступили. Обоз был огромный. На 89 подводах везли снаряды, на 100 арбах муку и шли еще подводы с другим имуществом Подрядчиком всего этого передвиженія был татарин Акчурин.

В транспортѣ шла знаменитая «черная телѣга». Это была кибитка, в которой было уложено 300 тысяч золота и масса драгоцѣннѣйших подарков для монгольских князей. Там были вазы, трубки, статуи все чрезвычайно цѣнное, как по качеству, так и по исторической древности. Каждыя десять подвод сопровождал один баргут, а кромѣ того в числѣ обозников было 25 русских солдат, прибѣжавших перед отходом из Маньчжурской дивизіи.

Китайская сотня шла впереди, японская же позади.

Транспорт тронулся и в теченіе семи дней шел спокойно и благополучно. Бивуак седьмого походнаго дня расположился как и раньше. Китайская сотня впереди, за горой, верстах в четырех и японская при транспортѣ. Так было лучше, ибо вѣрность китайцев была шаткая. Но пріѣхал командир китайской сотни подпоручик Гущин и испортил все настроеніе.

В спокойном эпическом тонѣ он доложил Сипайлову, что у него в сотнѣ что то неладное.

„Мой вѣстовой достал свѣдѣнія, что китайцы хотят поднять возстаніе, нас офицеров перебить, потом напасть на транспорт и захватить „черную

телѣгу." говорил он. Невѣроятнаго здѣсь ничего не было, от китайцев ожидать этого было можно, а потому приступили к контр-мѣрам.

Всѣх русских обозников и баргутов вооружили и стали ждать, что будет.

Предупредили японскаго командира, но послѣдній отнесся к такому извѣстію с большой иронiей, указав, что китайцев боятся болѣе чѣм смѣшно. Гущину предложили с офицерами на ночь переѣхать в транспорт, но он категорически отказался, заявив, что „может быть ничего и не будет, а кромѣ того офицерам уходить с поста — непозволительно."

Больше его не уговаривали и он уѣхал к своим китайцам. Легли спать, а в три часа ночи поднялась тревога.

Со стороны китайскаго бивуака слышалась стрѣльба. Возстанiе началось, нужно было ждать нападенiя и нужно было спасать „черную телѣгу" Трем офицерам и одному солдату, конвоировавшим ее было приказано немедленно же уѣзжать в степь, остановиться на первой заимкѣ и ждать там приказанiй. „Черная телѣга" умчалась. Русскiе и баргуты заняли позицiю и не прошло десяти минут послѣ этого, как через табор промчались конные. Это были китацы. По ним открыли огонь и они скрылись в ночной темнотѣ. А ночь была темной-глаз выколи, почему стали ждать разсвѣта и только тогда вести наступленiе на китайскiй бивуак. Разсвѣло. Съ громким „ура" бросились в китайскую лощину и тутъ же с праваго фланга понеслось „банзай". Это пошли в атаку японцы. Со стороны бивуака зажужжали

пули, а вскорѣ в сторону степи помчались пять всадников. Впослѣдствіи оказалось, что это были казаки с ближайшей заимки, которы услышав стрѣльбу, прискакали на помощь русским, а в утреннем туманѣ приняли нас за врага. Китайскій бивуак представлял хаотичную картину и офицерская палатка была свалена. Подошли к ней и в ужасѣ остановились. Гущин лежал мертвым с вытянутыми руками, а рядом с ним, уткнувшись лицом в землю лежал его субалтерн-прапорщик Кадышевскій. Этот был ужасен. В него, в упор, всадили нѣсколько пуль и внутренности несчастнаго расползлись по землѣ во всѣ стороны. Тут лежали звѣрски убитые четыре русских солдата и один бурят. Два солдата успѣли спастись и один из них из них Р. раненый в мошонку, разсказывал, что всѣ заснули, часовой тоже задремал и не видѣл, как поднялись китайцы. Здѣсь же на заимкѣ был убит пулей в сердце бурят. Он сидѣл около печки на скамейкѣ и когда вошли в помѣщеніе, казался жив, но на вопросы не отвѣчал. Когда же его похлопали по плечу, бурят повалился. Моментальная смерть. В погребѣ заимки нашли еще раненаго солдата. Печальное было утрое. Убитых привели в порядок, вырыли братскую могилу, прочли над ними молитву и похоронили. И стали искать знаменитую „черную телѣгу". Гдѣ она? Что с нею, когда ночью в степи были слышны разрывы гранат? Нашли случайно. Подъѣхали к заимкѣ Токмакова, наглухо закупоренной и там нашли „черную телѣгу" офицеры — конвоиры которые рѣшли на заимкѣ отбиваться, если подойдут хунхузы. Транспорт двинулся в Кыру, гдѣ был Унгерн. О возстаніи он знал уже от бурят и щедро наградил всѣх за спасеніе «черной телѣги».

II

МАРШ, ЗА РѢЧКУ!!!

Муку к барону Унгерну в Кыру привезли с большими трудностями и громадными расходами. Перевозка пуда муки обошлась 2.50 золотых рубля, почему этот продукт в отрядѣ цѣнился на вѣс золота. Из Кыры обоз с мукою был отправлен в Алтан. Обоз вел один чиновник и мука погубила его. Переправлялись через какую то рѣчку и всю муку подмочили. Барон озвѣрѣл. Орал на свой штаб, избил ташуром вѣстового Бурдуковскаго, а потом приказал: „За подмоченную муку чиновника пороть а потом утопить в этой же рѣчкѣ." Несчастнаго выпороли и утопили.

Унгерновскій кошмар начинался в новой обстановкѣ.

Дивизія должна была итти в станицу Мензу, гдѣ сосредоточились красные, но так как прямой путь туда был возможен лишь только одиночным всадникам и пѣшеходам, барон рѣшил итти через Монголію. Вышли в поход и вскорѣ пришли в Алтан, гдѣ и расположились на дневку. Здѣсь была окончена судьба алтанскаго священника. По докладу казаков, этот священник очень критически относился к бѣлым, что для барона было до-

статочно. Правда, он отнесся к священнику на допросѣ деликатно и лишь приказал ему немедленно покинуть поселок, но о дальнѣйшем умолчал. Несчастный деревенскій попик быстро выѣхал из поселка, а вслѣд ему поскакал ротмистр Забіякин с особым приказом Унгерна. Он нагнал священника и застрѣлил его в телѣгѣ.

Вышли на Мензу, пошли по Монголіи. Барон отдал приказ по дивизіи: „Чинам отряда усиленное довольствіе, но спиртные напитки запрещаю под страхом жестокаго наказанія." Унгерновскій приказ — больше чѣм приказ, но русская натура тоже штука крупная!

На втором переходѣ дивизія остановилась около большой и глубокой рѣчки. Развели костры, стали жарить баранину и отдыхать. Японцы шли на особом положеніи и им разрѣшалось выпивать в походѣ китайскую водку — хану, чѣм не преминули воспользоваться и наши. Интендант дивизіи капитан С. Д. Россіанов, сотник К. И. Парыгин и хорунжій Пинигин раздобыли каким то образом «ханушки» и загуляли. Слышит барон из своей палатки, что очень весело на бивуакѣ и доволен — у людей настроеніе хорошее, пока урядник Терехов не донес ему, что г. г. офицеры хану пьют.

„Сотника Парыгина, капитана Россіанова и хорунжаго Пинигина!!!" разнеслось вечером по лагерю и у многих на сердцѣ похолодѣло. Такія приглашенія никогда не сулили хорошаго. В широченных шароварах подходил к нему сотник Парыгин и хорунжій Пинигин. Россіанова найти пока не могли. Он спал гдѣ то под кустом. Діалог начал-

ся с полутонов. «Вы водку пили?» сумрачно спросил Унгерн. Молчат. «Для лысаго черта я отдаю приказ или для вас? Офицеры сами нарушают дисциплину! Безобразіе! Преступленіе!... Разстрѣляю как собак бѣшенных!», уже орал барон. Провинившіеся молчали и лишь дрожали пальцы их у козырька фуражек. «Марш за рѣчку, марш!» заорал Унгерн. А был сентябрь мѣсяц, вода в рѣчкѣ была холодна да и вечер была прохладный. „Ваше превосходительство, простите!" — пытались умолять жертвы. „Марш или сейчас на мѣстѣ пристрѣлю!" Офицеры медленно пошли к рѣчкѣ. Они оглядывались, но видя лишь размахиваніе ташура, шли дальше. Весь лагерь смотрѣл на эту дикую невиданную картину.

Подошли к рѣчкѣ, еще раз оглянулись. Сотник Парыгин первый вошел в воду. Вот несчастные по пояс, вот по горло в водѣ, вот уже поплыли на другую сторону и в лучах заходящаго солнца лишь отблескивали на плечах серебряные погоны.

Но картина продолжалась.

Около Унгерна стоял несчастный капитан Россіанов. Он дрожал как в лихорадкѣ и послѣдній запах ханы уже давно испарился из его головы.

„Ты, с. с. интендант. Мошенник! Ты водку вздумал пить. Приказ нарушать, я-ж у тебя всѣ алкоголистическіе соки вытяну. Я из тебя сдѣлаю трезвенника, алкогольная шкура... Я тебя приведу в христіанскій вид!" „Ваше пр-во! Ей Богу больше ни рюмочки не выпью... Вот крест святой," уныло защищался интендант.

„Бурдуковскій" уже ревѣл Унгерн и когда

этот забайкальскій «квазимодо», чудовище лицом и душою явился, барон приказал ему: „Связать!"

С довольным видом «квазимодо» бросился за веревками и стал связывать руки капитана.

«Балда, как вяжешь! .. Под мышки вяжи», гремѣл барон. «А то эта интендантская пьяная крыса плавать не умѣет... И тащи его в рѣчку. Ну марш в рѣчку!...» Интенданта потащили в рѣчку, а он все время не переставал молить и утверждать, что «ни рюмочки больше не выпьет».

Сволокли капитана в воду и он осторожно пошел к серединѣ рѣчки. Потихоньку чертыхался, а когда вода стала ему по горло, представленіе приняло траги-комическій характер. Вся дивизія во главѣ с Унгерном стояла на берегу, а барон продолжал отдавать приказанія: «Ныряй пьянчужка!» Интендант нырял. «Еще ныряй!» Опять нырнул. «Еще ныряй!» Интендант нырнул еще и на поверхности воды показались пузыри. „Бурдуковскій вытаскивай его, а то еще утонет интендантская крыса!

Бурдуковскій потащил за веревку и вытащил из глубины, как рыбу, несчастнаго капитана.

„Ну марш к пріятелям за рѣчку!" кричал барон и Россіанов с большим трудом доплыл до берега и присоединился к компаніи. Со всѣх ручьями текла вода, а наступала ночь и холод становился острым и пронизывающим. „Зажгите костер, пьяницы!" кричал им барон. „Ваше пр-во, здѣсь нѣт ни сучечка!" неслось оттуда. „Послать им туда топлива. Чтобы эта пьяная компанія не сдохла, дежурному офицеру дѣлать им перекличку через каждыя десять минут," отдал он приказ,

круто повернулся и ушел в палатку. Наступила темная ночь. Лагерь спал, а над его сонным затишьем через каждыя десять минут громко неслось: „Капитан Россіанов? — Я! Сотник Парыгин? — Я! Хорунжій Пинигин? — Я!“ Так прошла ночь. На утро провинившимся офицерам подали лошадей и дивизія выступила дальше. Нарушать приказ барона больше никому не хотѣлось.

III

ПЕРЕД УРГОЙ.

Азіатская дивизія барона Унгерна шла форсированным маршем по Монголіи, направляясь в станицу Меньзинскую.

Долгое время шли лѣсом, который горѣл страшным лѣсным пожаром и только узкая полоска — дорога оставалась пощаженной языками пламени. По сторонам дороги, тут и там, валялись обуглившіеся трупы лошадей — погибшія монгольскія стада, палил жар, было душно и поход казался адом. Не доходя двух переѣздов до стыка — поворота на Ургу и Мензу, в дивизію прискакали два монгола. Они доложили барону, что в ургинской тюрьмѣ китайцы, по соглашенію с красными, держат в кошмарных условіях сто русских офицеров, женщин и дѣтей. Барон загорѣлся. Дивизія остановилась, а через полчаса в сторону Урги поскакали полковник Хатакіама и полковник Лихачев. Но что произошло с ними в дорогѣ — знал

только барон, они вернулись и вмѣсто них в Ургу к китайскому губернатору, знаменитому Го-Сун-лину, помчались монголы, с приказом от Унгерна: немедленно же освободить арестованных. Дивизія направилась на стык. Там ждали отвѣта пять дней, но китайскій генерал не отвѣчал и Унгерн отдал приказ: „На Ургу! Освободить переметныя сумы. Обозу остаться на мѣстѣ. Поход перемѣнным аллюром.“

Быстро подскочили к Ургѣ, заняли ургинскія высоты и два раза вели наступленіе 24 и 26 сентября. Наступленія окончились неудачно, так как при колоссальном превосходствѣ противника в числѣ, оружіи, при морозѣ и при спѣшном наступленіи, унгерновцы цѣли не достигли.

Погибли люди, много было раненых и обмороженных. В лобовой атакѣ был ранен в грудь командир Анненковскаго полка войсковой старшина Циркулинскій, а комендант дивизіи подполковник Лауренц в руку. Дивизія послѣ неудачи отошла на 60 верст в сторону Хайлара — на восток. Командиром Анненковскаго полка был назначен поручик Царьгородцев, в офицерскую сотню котораго был отправлен есаул М. (автор настоящих воспоминаній), за то, что отправил письмо Унгерну с просьбой откомандировать его из обоза. Полк принял есаула М., как чина унгерновскаго штаба, с большим неудовольствіем и подозрѣніем. Офицеры полка что то замышляли и обращались с новоприбывшим с осторожностью. Дивизія же переживала тяжелые дни. В теченіе 20 дней ни у Унгерна, ни у простого всадника не было ни соли, ни муки. Барон ходил свирѣпый, а интендантскіе

чиновники прятались от него, как мыши от жестокаго кота. Но барон и здѣсь вышел из положенія. Он отправил сотню хорунжаго Хоботова на тракт Урга-Калган, с приказом всѣ караваны задерживать и отправлять в дивизію. И скоро в дивизіи появилось все, начиная от шелка и кончая монгольскими ножами, жареными курицами и шампанским.

В эти дни в дивизію пришли тибетцы. Сотня под командованіем хорунжаго Тубанова. Командир их был бурят, окончившій в Верхнеудинскѣ четыре класса средне-учебнаго заведенія, а остальные— самые настоящіе тибетцы, воинственные и свирѣпые люди на прекрасных лошадях и хорошо вооруженные. Интересный народ были эти тибетцы и русскіе ходили смотрѣть, как они пьют и ѣдят из особой посуды: из человѣческих черепов, края которых были задѣланы в золото и серебро.

Барон сумрачно молчал, а дивизія тревожно ждала, пока не разразилось новое несчастье.

В Анненковском полку офицеры таинственно между собой шушукались и вид был у них очень подозрительный. Барон в это время уѣхал в обоз и за него остался генерал Рѣзухин. Есаул М. пошел к нему и говорит: „Слушай, Ваше пр-во, а у нас в полку что то неладное. Ты смотри прими это к свѣдѣнію, а то как бы плохо не было..."
„А, иди ты к чертовой бабушкѣ! Надоѣли вы мнѣ всѣ. Вѣчно что нибудь выдумают," пробучал Рѣзухин и отвернулся.

Наступила ночь, пріѣхал барон, и все как будто успокоилось. Но утро было зловѣщим.

Офицеры Анненковскаго полка во главѣ с ко-

мандиром поручиком Царьгородцевым посѣдлали лошадей и бѣжали. Остались одни солдаты, да часть офицерской сотни, которая была в заставѣ.

Есаул М. влетѣл в палатку к Унгерну. Послѣдній сидѣл вмѣстѣ с Рѣзухиным и о чем то бесѣдовал. „Ты чего влетѣл как сумасшедшій? Тебя кто просил?" обратился он к М. „Ваше пр-во, офицеры Анненковскаго полка бѣжали!" рѣзко доложил тот. „Что-о. Бѣжали!? А ты что смотрѣл? Ты гдѣ был?" заревѣл барон. „Ваше пр-во, я докладывал генералу Рѣзухину, но он не стал слушать," оправдывался М. „Так. Что же ты, старая калоша, мнѣ ничего не доложил," обернулся барон к генералу. „Прости, Ваше превосходительство, забыл." Унгерн замѣтался по палаткѣ. Гроза надвигалась и страшно стало М. и Рѣзухину. „Ну ты проворонил, ты и исправляй. Что будешь дѣлать?" рѣзко крикнул барон Рѣзухину. Тот опустил голову и молчал. „Послать немедленно тибетцев в погоню и прика ить, чтобы они живыми или мертвыми всѣх мерзавцев привезли. А ты, М. прими временно полк. Ну, марш из палатки оба," мрачно и рѣзко сказал Унгерн и сѣл на походную кровать. Бѣжавших всѣх перебили, а пять захваченных живыми — выпороли и повѣсили. Послѣ этого полк уже не представлял прежней цѣльной единицы. Через нѣсколько дней командиром был назначен полковник Лихачев, а офицерскій состав был пополнен из Татарскаго полка.

Рок же несчастья уже висѣл над дивизіей и черныя новости выплывали одна за другой.

Унгерновскій адъютант поручик Ружанскій по

подложному документу получил в интендантствѣ 15.000 золотых рублей и бѣжал, но был пойман и разстрѣлян вмѣстѣ с женой. Унгерн смотрѣл на всѣх звѣрем и люди боялись попадаться ему на глаза. Унгерновскій террор входил в силу. Стоял тихій вечер. Шел крупными и тяжелыми хлопьями снѣг, когда по лагерю разнеслось: „Есаула М. к начальнику дивизіи!... Фигура в бараньей шубѣ, шерстью наружу, страшная и встевоженная прокатилась к палаткѣ Унгерна. „Честь имѣю явиться, Ваше пр-во!" „Ты грамотный?" „Так точно, грамотный!" „Ну так книгами вѣдать будешь. Понял! Адъютантство, значит, примешь. Ружанскій убѣжал, так ты вмѣсто него. Да смотри канцелярію у меня не разводить. Ну вались. Палатка рядом."

IУ

НА КОСТРѢ:

Дивизія выступила на Керулен. Керулен — глубокая рѣчка, впадающая в озеро Долай-нор. Здѣсь остановились на зимовку и построили зимній бивуак. Быстро монголы навезли юрты, обоз пополнился из калганских караванов, которые часто пригоняли на бивуак, построили сотенныя помѣщенія из лѣса, построили прекрасную баню, провели по лагерю идеально чистыя дорожки и начали варить мыло, в котором дивизія имѣла недостаток. До обѣда вели занятія.

В один из холодных дней, рано утром, барон приказал осѣдлать лошадь и один, даже без вѣстового, уѣхал. Никто не знал куда он потерялся, но Унгерна не было десять дней. Дивизія начала волноваться. Без «дѣдушки», как его звали, та обстановка, в которой находилась дивизія, вызывала тревогу. Штаб предпологал, что барон уѣхал в Хайлар, но это были только догадки. Среди всадников начались лишніе разговоры; старшій командный состав был озабочен, пока, как всегда было у Унгерна, послѣдній также незамѣтно появился, как и уѣхал.

Вечером около его палатки послышался звук копыт и тяжелый сап лошади. Барон соскочил с коня и рѣзко спросил есаула М.: „Что новаго?" „Ничего, Ваше пр-во, кромѣ того, что волновались всѣ. Вас потеряли." „Ну пойдем, пройдемся. Посмотрю все ли в порядкѣ." Вездѣ было чисто. Дежурные на мѣстах. Лошади на пастбищѣ, а быки в загонѣ. Кромѣ одного. Проклятый вышел на заднюю площадку, разлегся там и хвостом попал в то мѣсто, гдѣ оставил свою визитную карточку. Барон подошел к волу. Задумчиво толкнул его ногою, вол хотѣл встать, но не мог. Хвост у него примерз к карточкѣ. Барон недовольно буркнул, ушел к себѣ и приказал адъютанту есаулу М. жалованія за очередной мѣсяц не платить. „Плохо за быками смотрѣл."

Вскорѣ послѣ пріѣзда Унгерна к нему съѣхались монгольскія князя. На съѣздѣ рѣшили выступить против китайцев и спасти Богдо — „живого бога," находившагося у них в почетном плѣну. Князья объявили мобилизацію „цириков" —

солдат, а один из князей, имѣвшій типографію, разослал по всей Монголіи воззваніе князей.

Дѣло начиналось, а с ним шли и новости.

Всѣ раненые, обмороженые и женщины находились от дивизіи отдѣльно. База для них была построена в 200 верстах от Хайлара и комендантом ея был назначен прапорщик Чернов, бывшій начальник полиціи одного из городов Западной Сибири. Это был красавец мужчина и человѣк крутого нрава. Трагедія началась в обозѣ. Из Урги, Троицкосавска и других пунктов на Керулен ежедневно прибѣгали офицеры, их жены, семьи, шли штатскіе и военные. Военные зачислялись в дивизію, семьи отправлялись в обоз. Однажды в лагерь пріѣхал с женою статскій совѣтник Голубев. Жена у него была замѣчательная красавица, а сам он человѣк с большим самомнѣніем и авторитетом. Унгерн принял его вѣжливо, бесѣдовал с ним, чѣм Голубев, не знавшій бароновскаго характера, рѣшил воспользоваться и стал давать совѣты политическаго и иного характера. Барон долго крѣпился, потом не выдержал и приказал Голубева выпороть: „Выпороть Голубева. Он из интендантства, а слѣдовательно мошенник.“ Голубева повели на истязаніе. Жена взволнованная и возмущенная влетѣла к Унгерну в палатку и ... ее барон приказал также выпороть. Выпороли. Несчастную женщину послѣ этого отправили в обоз, а мужа назначили рядовым в полк.

В обозѣ женщина вылечилась и за ней стал ухаживать комендант. По правдѣ, они были великолѣпной парой. Оба красивые, статные. Кончилось тѣм, что г-жа Голубева переселилась в юрту

Чернова.

Барону об этом донесли, но он промолчал и лишь усиленно наблюдал, что будет дальше. А дальше было не за горами.

Чернов по натурѣ был человѣк жестокій и самодур. Он не терпѣл возраженій и на этой почвѣ разстрѣлял двух казаков. Унгерну донесли. Было произведено негласное дознаніе, из котораго барон узнал, что в поощреніи самодурства виновна и г-жа Голубева. Чернов был вызван в дивизію. Он пріѣхал, но барона не было. Есаул М. устроил его у себя в палаткѣ и так как не знал в чем дѣло, то пошел доложить о пріѣздѣ прапорщика генералу Рѣзухину. „На лед эту сволочь!" приказал генерал, а сам отправил коннаго к барону.

Унгерн прислал Бурдуковскаго с приказом: „Выпороть Чернова и сжечь живьем."

Среди лагеря рос огромный столѣтній дуб. Его вѣтви широко растилались над землей и этот дуб стал участником страшнаго дѣла. Вокруг него разложили громадныя кучи сухого хвороста, обильно полили „ханою" и стали ждать. В это время вблизи совершалась жестокая экзекуція. Чернова били. Ему дали 200 бамбуков; тѣло его превратилось в кровавыя лоскутья. Голаго привели к дубу. Привязали и подожгли хворост. Весело защелкали сухія вѣтки и огненное пламя высоко взметнулось к вершинѣ. На казнь пришла смотрѣть вся дивизія, но через нѣсколько минут почти всѣ ушли. Жгутовые нервы унгерновцев не выдержали страшной картины. Было жутко и противно за человѣка, за его дѣла и ум. Около казни остались немногіе. Среди них: торжествующій „квазимодо"

— Бурдуковскій, ротмистр Забіякин и хорунжій Мухаметжанов — личные враги сжигаемаго.

Чернов горѣл, но испытывая жесточайшія муки, он не произносил ни одного слова, и ни одного стона не вырвалось у него из груди. Но когда огненные языки стали лизать его туловище, а кожа на ногах завернулась, как завертывается подошва брошенная в огонь, и сало полилось и зашипѣло на вѣтках, несчастный поднял голову, вперил страшный, жуткій взгляд на нѣскольких зрителей человѣческих мук, людей — садистов, отыскал среди них Мухаметжанова, выпрямился и через весь костер, с вышины, плюнул хорунжему в лицо. Плевок угадал в цѣль. Послѣ этого сжигаемый вперил свой взгляд в ротмистра Забіякина, долго смотрѣл на него и потом бросил: „А за тобой Забіякин я сам приду с того свѣта и там создам такой эскадрон, что самому барону страшно будет.“ Послѣ этого силы оставили его, голова сжигаемаго опустилась и он повидимому впал в безсознаніе.

Скоро веревки перегорѣли и труп несчастаго упал в костер. Он обуглился, а волосы на головѣ превратились в череп негра — курчавый из чернаго пепла барашек. Труп Чернова «бурдуковскіе» выбросили в овраг.

V

РАСПРАВА.

Послѣ страшной казни прапорщика Чернова прошло нѣсколько дней. Барон был увѣрен, что в разстрѣлѣ казаков принимала косвенное участіе г-жа Голубева и приказал вызвать ее из обоза в дивизію. Г-жа Голубева пріѣхала. Это отважная женщина — красавица не льстила себя надеждой на что либо хорошее, но из чувства гордости и женскаго достоинства пріѣхала на казнь. Барон приказал помѣстить ее в юрту к японцам. Тѣ были ошеломлены, поражены ея красотою и любезность их была безконечной. Прошло часа два. Барон вызвал к себѣ мужа Голубевой и сказал ему: «Ваша жена ведет себя непристойно. Вы должны сами наказать ее". «Как наказать ваше превосходительство?» „Дадите ей 50 бамбуков». Голубев замер, а барон—обратился к адъютанту: „Ты будешь наблюдать и если муж плохо будет наказывать свою жену, — повѣсить их обоих. Понял? Идите". Голубев шел пошатывался. Потом остановился и говорит: „Есаул! Мы были с вами в хороших отношеніях. Помогите мнѣ. Дайте мнѣ револьвер и я сейчас же застрѣлюсь." „Бросьте говорить глупости. За эти ваши слова и меня барон повѣсит", отвѣтил тот. Описывать жестокую картину экзекуціи не стоит, она жутка, безнравственна, но несчастная женщина выдержала казнь без стона и мольбы. Молча встала и пошатываясь пошла в поле. Потрясенный зрѣлищем адъютант приказал вѣстовому взять ее

под руку, а сам с докладом отправился к барону: „Ваше приказаніе выполнено!» — «Хорошо послать ее на лед пусть там еще посидит“ сказал он. — „Ваше пр-во, да она и так еле жива». „Молчать и исполнять то, что я говорю. Не здохнет!» Адъютант понуро зашагал к жертвѣ: „Слушайте мадам, меня вы простите, но что я могу у него сдѣлать, когда каждую минуту жду вашей же участи. Барон приказал вам идти на лед.» Женщина молча пошла к рѣкѣ. Дошла до середины, зашаталась и упала. Адъютант подинмал ее и уговаривал встать: «Мадам, поддержитесь немного еще. Вы же замерзнете“. Но женщина не поднималась и офицер бросился к барону: «Ваше пр-во, она стоять не может. Замерзнет еще». — «Ну ты раскис от юбки. Скажи ей, что если она не будет ходить, то еще 25 бамбуков получит. Ну, марш юбочный угодник!" Женщина шатаясь ходила по льду, а адъютант стоял на берегу и смотрѣл. Его нервы, привыкшія ко всему, не выдерживали картины истязанія женщины. Прошел час и из юрты Унгерна послышался крик: «Есаул М!» Тот бросился на зов. „Ну как она? Ходит?" «Так точно!» «Ну черт с ней. Еще замерзнет. Прикажи ей выйти на берег, набрать хворосту и разжечь костер“. Есаул М. быстро вышел, крикнул своего вѣстового и приказал ему набрать сухих дров, разжечь огонь, предупредив его, чтобы дѣлал он это так, чтобы барон не знал. Вѣстовой бросился в лѣс и скоро наташил оттуда хворосту на пять ночей. Среди темной ночи пылал огромнѣйшій костер, а около костра видна была одинокая фигура женщины. Прошла ночь. Утром барон

вызвал адъютанта, распросил, как наказываемая женщина провела ночь и приказал: „Голубеву я назначаю сестрой милосердія в госпиталь. Пусть старательным уходом за ранеными заглаживает свое преступленіе и пусть туда идет пѣшком.“ „Ваше пр-во, так вѣдь госпиталем завѣдует Сипайлов“ сказал адъютант. „Ну так что же?“ рѣзко спросил барон. „Да. так ничего, сами понимаете, ваше пр-во.“ „Ну, ну, я покажу этому старому ослу“ промычал барон и вышел из юрты. — „Мадам, барон назначил вас сестрой милосердія в госпиталь. Вы туда пойдете пѣшком, но я вышлю туда же подводу, как бы за продуктами и вы на ней поѣдете, но смотрите по сторонам — барон приказал вам идти пѣшком. Госпиталем завѣдует Сипайлов.“

„Боже мой, опять ужас!“ заплакала женщина. „Ничего вы не бойтесь, я сам проѣду и кое что передам этому типу.“ Прошло нѣсколько дней и М. поѣхал снова в госпиталь. Голубева работала и передала адъютанту, что Сипайлов к ней относится так, как будто ее не замѣчает. „Да это так и должно быть. потому что я пригрозил ему от имени барона. Вот он и тих“. „Да но вот от Бурдуковскаго я получила записку. Читайте.“ М. взял обвывок бумажки и прочел: „2-го января приходите ко мнѣ на свиданіе на то мѣсто гдѣ заворачивает рѣчка к 10 часам вечера, а если на придете, то поговорим. Женя Бурдуковскій.“ „Квазимодо“ дѣйствовал. М. забрал у Голубевой бумажку и помчался к барону. „Ваше пр-во долго эта сволочь будет проявлять свои низменные инстинкты,“ возбужденно сказал он Унгерну,

зная, что послѣдній органически не переваривает эту сторону человѣка. „Что такое?“ угрюмо промычал тот. „Да смотрите, что продѣлывает Бурдуковскій!“ и он передал барону записку. „Ах, животное, ах подлец, что он дѣлает... Бурдуковскаго!!!“ заорал барон, и когда „квазимодо“ влетѣл в юрту, Унгерн начал полосовать его ташуром. В полубезсознательном состояніи вытащили бароновскаго „личарду“ и унесли в сосѣднюю юрту.

УІ

ВЗЯТІЕ УРГИ.

Унгерн рѣшил взять Ургу и отдал приказ о выступленіи с Керулена. К моменту новаго похода в Азіатскую дивизію влилась прибывшая сотня войскового старшины П. Н. Архипова, бѣжавшаго от китайцев и по дорогѣ сформировавшаго из казаков сотню в 90 человѣк. С этой сотней прибыл к Унгерну и доктор А. Ф. Клингеберг. Перед выступленіем, Унгерн отдал строгій приказ о полном запрещеніи употреблять спиртные напитки, что заставило полковника Лихачева с частью офицеров справить поминки по аклоголю и напиться до положенія риз. А в этот момент приказано было сѣдлать, строиться и выступать. Лихачева с трудом разбудили, но хмель еще не вышел из его головы, когда он подъѣхал к выстроенному полку и скомандовал: «Полк, за мной марш!» и

помчался как угорѣлый. Полк поскакал за ним, потерял всякій строй и такой конной кучей наскочил на Унгерна. „Стой мерзавцы!" заорал тот и этот оклик привел в себя всю массу скачущих неизвѣстно куда всадников. „Слѣзай!" раздалась бароновская команда. „Командир полка и всѣ офицеры пѣшим порядком марш!" Дивизія выступила, а позади ея шел командир Анненсковскаго полка и офицеры. Дорога была сплошной каменный щебень по которому они шли два перехода. В концѣ послѣдняго Лихачев подошел к генералу Рѣзухину и доложил: „Ваше пр-во, я больше не могу и если мнѣ прикажут еще идти дальше пѣшком, — я застрѣлюсь." Барон отправил Лихачева в обоз, а полк здѣсь же расформировал, влив его в Татарскій полк. Дивизія двигалась и в это время в нее прискакал хорунжій Нѣмчинов. Из Урги он прямо явился к барону и доложил ему: „Ваше пр-во, я пріѣхал чтобы убить вас. Меня послали для этой цѣли китайцы. Дѣлайте со мной что хотите, но вот вам ціанистый калій и деньги — двѣ тысячи, которыя дали мнѣ китайцы, как задаток." Барон остался спокоен. Взял ціанистый кали, деньги вернул Нѣмчинову и приказал ему оставаться при нем. Унгерн задал ряд вопросов прибѣжавшему о положеніи в Ургѣ и послѣдній разсказал ему, что этот красный город, в отношеніи русских, управляется красной управой, во главѣ которой стоят коммунисты: священник Парников, как предсѣдатель, и его замѣститель еврей Шейнеман. Русскіе офицеры, их жены и дѣти, по ходатайству и сношеніям с китайской военной властью, всѣ заключены в тюрьму и находятся в

ужасных условіях. Тюрьма не только не отапливается, но стоит вся с выбитыми окнами и тѣ лохмотья, которыя имѣют арестанты, служат им даже не подстилкой или покрывалом, а для затыканія окон от мороза и ледяного вѣтра. Особенно страдают женщины и ни в чем неповинныя дѣти, а когда один из них застыл от стужи и голода, тюремная администрація выбросила его трупик за тюрьму и мертваго ребенка съѣли собаки. Кромѣ этого, китайскія заставы ловят бѣгущих из Урянхайскаго края офицеров одиночек и семейных и передают их в Ургу. О задержанных запрашивается красная управа, которая, узнав, что это офицеры или офицерскія семьи, увѣдомляет китайскія власти, что лучшее мѣсто для этих людей — китайская тюрьма. Китайцы бросают несчастных туда, куда рекомендуют русскіе коммунисты. Когда барон выслушал этот разсказ, он весь побѣлѣл от гнѣва и рѣзко сказал присутствующим старшим офицерам: „Я не дѣлю людей по національностям. Всѣ — люди, но здѣсь я поступаю по другому. Если еврей жестоко и трусливо, как подлая гіена, издѣвается над беззащитными русскими офицерами, их женами и дѣтьми, я приказываю: при взятіи Урги — всѣ евреи должны быть уничтожены — вырѣзаны. Это им заслуженная месть, за то, что не скрутили рук своей гадинѣ. Кровь за кровь!"

Подходили к Ургѣ. Азіатская дивизія шла в составѣ тысячи человѣк, включая сюда обозных, интендантских и прочих мертвых бойцов. Барон окружил Ургу мелкими частями со всѣх сторон, для чего разослал сотни, а при себѣ, в главных

силах, оставил: бурятскій дивизіон, татарскую сотню, русскую сотню, два орудія и нѣсколько пулеметов. Этими силами повели наступленіе на Ургу со стороны Калганскаго тракта. Наступали весели и быстро. В одно мгновеніе сбили китайцев с первых позицій и двинулись на верхній и нижній Мадачан. Здѣсь китайцы жестоко сопротивлялись два часа, но были разбиты и бѣжали, оставив массу винтовок и маузеров. У унгерновцев были раненые. Наступленіе не прерывалось и 1-го февраля 1921 года всѣ командныя высоты над Ургой был взяты. Отряд расположился на священной горѣ Богдо-Ул. Верстах в четырех была Урга. Барон смотрѣл на этот знаменитый город, который он рѣшил взять.

В этот момент на взмыленном конѣ подскакал тибетец и передал Унгерну донесеніе от хорунжаго Тубанова. Тот коротко писал: „Я выкрал Богдо-Гыгена из дворца и увез на Богдо-Ул." Барон загорѣлся от радости и крикнул: „Теперь Урга наша!"

Оказывается, что тибетцы открыто подошли ко дворцу Богдо, находящемуся у подножья священной горы, лихим налетом, с дикими криками напали на тысячную китайскую охрану и пока китайцы в паникѣ метались по дворцу, дикіе всадники ворвались в послѣдній, нашли там „живого бога," вытащили его наружу, положили через сѣдло и ускакали. Налет был лихой, а то обстоятельство, что «живой бог» был спасен из китайскаго плѣна и находился при дивизіи имѣло громадное значеніе. Скоро вѣсть об освобожденіи Богдо-Гыгена обошла всѣ части и на священной

горѣ послышались раскаты русскаго могучаго „ура."

Наступил новый день. Барон вызвал поручика Тастухина и приказал ему зажечь в створѣ Богдо-Ула и радіо-станціи два громадных костра. Вечером же было приказано всему отряду разжечь костры на горѣ из расчета один на трех. Этим обманывали китайцев. А в 12 часов ночи весь отряд держа направленіе по огненному створу, пошел в направленіи на радіо-станцію на горѣ Мафуска, обошел ее справа, спѣшился и быстро двинулся в наступленіе на гору и на китайскія казармы.

Первыя китайскія части были моментально сбиты. Через высокую стѣну казарм перелѣзли два всадника, отогнали караул, открыли ворота и унгерновцы с бѣшенным «ура!» ворвались в китайскій гарнизон. Там стояло восемь рот, которыя попытались было сопротивляться, но от неожиданности и растерянности не выдержали и бросились в сторону Маймачена. На разсвѣтѣ унгерновцы повели наступленіе на Маймачен, но были встрѣчены адским огнем и отошли. Барон стал проводить другой план. Двѣ сотни он отправил в лоб, а остальныя в конном строю бросились во главѣ с генералом Рѣзухиным к южным маймаченским воротам, ворвались в город и здѣсь, пройдя сажень двѣсти, изо всѣх домов, с крыш и из переулков были осыпаны градом пуль и забросаны ручными гранатами. Ген. Рѣзухин спѣшился и начал уличный бой. Бой самый жестокій и самый упорный. Засѣвших в кумирнях и домах китайцев забрасывали гранатами или поджигали, так как дрались китайцы ожесточенно. Сам знаменитый

Гу-Сун-лин успѣл бѣжать на автомобилѣ и прорвался в Калган. Штаб его остался, засѣл в домѣ и в теченіи нѣскольких часов засыпал пулями смежныя улицы. Наконец дом подожгли, а китайскій штаб полностью перестрѣляли.

Пока в Маймаченѣ шел уличный бой, сотни Архипова и Хоботова ворвались в Ургу и освободили тюрьму — главная цѣль похода на этот город. Освобожденные были найдены в жутком положеніи. Тюрьма не отапливалась окна в ней были выбиты и русскія женщины, дѣти и офицеры были найдены в полузамерзшем состояніи. Они были на грани смерти и когда узнали о свободѣ, плакали, смѣялись и цѣловали Хоботову ноги.

Китайскій гарнизон Маймачена и Урги состоял из восьми тысяч, войска были прекрасно вооружены.

К вечеру 3 февраля 1921 года Маймачен и Урга были совершенно очищены от китайцев.

Урга была взята.

БАРОН В УРГѢ.

Приказ барона Унгерна был строг и точен: «за мародерство, за насиліе над жителями — смертная казнь.» В отношеніи же коммунистов и евреев, барон приказал их вѣшать, а имущество, оставляя себѣ треть сдавать в казну.

Коммунисты были уничтожены всѣ, но нѣсколько евреев барон помиловал. В их числѣ был нѣкій Вульфович монгольскій переводчик Унгерна, ко-

торому при поимкѣ разрубили руку, но он остался жив, а двух всадников его ловивших выпороли.

Болѣе жестоко было поступлено с бурятом — урядником. Он в одной из китайских лавок взял кусок синей далимбы — цѣнностью в 80 центов. Барону донесли об этом и он приказал его повѣсить. Труп бурята долгое время висѣл на воротах главной кумирни Маймачена, покачивался и его страшное лицо и кусок взятой далимбы под мышкой долго наводили на всѣх жуткій страх, зато мародерство было сразу же прекращено.

Прошло дня три и барон отдал приказ всѣм русским явиться для регистраціи в коменданское управленіе. Явилось очень мало, тогда Унгерн нервно покрутил свой ус и на слѣдующій день по всему городу были расклеены объявленія:

«Всѣм мужчинам явиться на городскую площадь 8-го февраля в 12 часов дня. Не исполнившіе этого будут повѣшены. Барон Унгерн»

Коротко и болѣе чѣм ясно. Явилось болѣе 150 русских, которые немедленно были распредѣлены по частям. Генералам же Комаровскому и Никитину, оказавшимся в Ургѣ, барон приказал немедленно выѣхать из города. «Это совершенно безполезные и ни к чему не пригодные люди», сказал он.

Послѣ того, как китайцы наглядно убѣдились, что с приходом унгерновцев не только порядок был не нарушен, а возстановлен ими до идеальной высоты и что тяжелые налоги китайской власти частью совершенно уничтожены и частью снижены на половину, а городская жизнь потекла по нормальному мирному руслу, китайское коммерческое

общество рѣшило отблагодарить барона Унгерна пышным банкетом. Но барон никогда не бывал на банкетах и других торжествах, связанных с его именем, а потому отказался и от этого китайскаго чествованія. На банкетѣ китайцы говорили благодарственныя рѣчи и называли барона Унгерна своим спасителем и защитником от произвола китайских властей.

Послѣ проведенія мобилизаціи, Унгерн получил свѣдѣнія, что из Калгана двигается в Ургу большой караван верблюдов с подарками к новому китайскому году для ургинскаго китайскаго гарнизона. Караван идет под охраной отряда в триста человѣк. Барон взял с собой небольшую часть и немедленно поѣхал навстрѣчу. Караван был уже в 20 верстах от города. Китайцы вступили в бой и дрались свирѣпо. Барон наблюдал за разыгрывающимся боем и приказал есаулу М. ѣхать цѣлиной к бурятской части и приказать ей идти в атаку. Посланный завяз в глубоком снѣгу и только через два часа добрался до бурят, которые уже, без приказа атаковала китайцев. Есаул отдыхал у коноводов, когда к нему подъѣхал генерал Рѣзухин, сказал что уѣзжает в Ургу и шагом поѣхал в указанном направленіи. М. ничего не понял, а через полчаса к нему подъѣхал артилерійскій офицер, который объяснил, что Рѣзухин ранен и отрядом командует подъесаул Парыгин. А через десять минут туда же прискакал барон, крикнул: „Гдѣ Рѣзухин?» И получив отвѣт что ранен, спросил: «Куда ранен?» «Не могу знать ваше пр-во» «Ты вѣчно ничего не знаешь», заорал барон и со всего размаха ударил своего

адъютанта ташуром по головѣ. Тот упал и долго лежал без чувств, а когда пришел в сознаніе, то слышит, что барон возится с ним и бормочет: «Черт, неужели я убил его?» Адъютант встал и покачиваясь пошел с бароном на позицію. «Ты куда?» заорал барон. „Хочешь чтобы тебя убили? Марш назад!» Вот и разберись. Только что сам едва не убил, а теперь тревожится чтобы не убили.

Караван попал в руки унгерновцев. С грузом до шампанскаго и шелка влючительно.

Унгерн спѣшно усиливал свою Азіатскую конную дивизію. Было сформировано четыре полка, командирами которых были назначены, произведенные в есаулы: 1-м Татарским-Парыгин, 2-м Хоботов, 3-м чиновник Яньков и 4-м Монгольским войсковой старшина Архипов.

Урга уже начинала жить в нормальной и спокойной обстановкѣ. Жителям барон шел навстрѣчу; магазины, лавки торговали бойко, из Монголіи шли непрерывной цѣпью торговые караваны и ургинскіе базары шумѣли. Паническія настроенія Унгерн ликвидировал в началѣ, когда разстрѣлял подполковника Дроздова, распространявшаго тревожные слухи. Больше никто не рѣшался сомнѣваться в устойчивости ургинской жизни.

Штаб начал подыскивать для Унгерна помѣщеніе и скоро есаул М. и корет Смиренскій нашли раскошно обставленный дом богатаго еврея. Барон пришел посмотрѣть. Остался доволен, но когда узнал что квартира еврейская, пришел в бѣшенство и в сосѣднем дворѣ приказал поставить себѣ юрту. А вечером посадил адъютанта

за машинку и продиктовал приказ: «Глупѣе людей, сидящих в моем штабѣ, нѣт. Не давать им продуктов в теченіи трех дней».

Жизнь в Ургѣ возстанавливалась. Полицмейстером и комендантом Урги был назначен знаметый подполковник Л. Сипайлов, о дѣятельности котораго будет разговор впереди. Комендантом Маймачена был назначен прапорщик Степаненко, бывшій жандармскій унтер-офицер. Есаул М. был назначен в помощь Сипайлову.

Дивизія отдыхала, а интендантство, в спеціально устроенных мастерских, спѣшно шило для всѣх из синей чесунчи тырмыки, унты, офицерам сапоги, всѣм кожанное обмундированіе. Барон был тих, доволен и дивизія стала понемногу забывать о страшных днях порок и других жестоких наказаній. Но дивизія была составлена из людей, прошедших «огонь, воду, мѣдныя трубы и волчьи зубы» и без наказаній жить не могла. Барон провинившихся офицеров и солдат садил на крыши домов. Любопытную картину представляла в то время Урга. В районах расположенія воинских частей, тут и там, по крышам разгуливали, сидѣли и стояли офицеры. Нѣкоторые просидѣли на крышах по мѣсяцу, а знаменитый хорунжій Тубанов, командир Тибетской сотни, послѣ своего подвига окончательно распоясавшійся, влез на крышу, просидѣл там недѣлю и .. снова стал человѣком.

В это время Унгерн вел переговоры с монгольскими князьями. Вскорѣ он выпустил политическій приказ № 15. В нем точно говорилось: «с моей Азіатской конной дивизіей иду на жестокую и безпощадную борьбу с красными под знаменем:

За Царя Михаила Александровича.» В этом духѣ он подготовлял дивизію к выступленію, но свое интендантство, которое органически не терпѣл, не забывал, и в приказѣ было сказано: «Стыдно офицерам сидѣть в обозах, нестроевых и комендантских командах. в интендантствѣ и пр. подобных учрежденіях, а потому, чтобы отличить доблестных воинов от этих людей, всѣм тыловым чинам приказываю одѣть погоны поперек плеча».

Этот знаменательный приказ произвел бурю. Многіе интендантскіе чины немедленно же подали рапорта об откомандированіи в строй и отдѣльным из них Унгерн наложил резолюцію: «Разрѣшаю погоны носить продольные».

Добрался Унгерн и до Ургинской управы, которая была большевисткаго толка и которую, освобожденные из тюрьмы офицеры и их семьи считали прямым виновником их мук и страданій.

Произведя разслѣдованіе, барон приказал весь состав городской управы — разстрѣлять, успѣл бѣжать только товарищ предсѣдателя управы еврей Шейнеман, предсѣдатель же управы священник Парников не избѣг общей участи. На допросѣ священнику был задан вопрос: „Как вы служитель Бога работаете с безбожниками и преступниками?“ На это арестованный коротко, но твердо отвѣтил: „Я был служитель культа, который сейчас уже умер, а потому и работал с большевиками.“ Разстрѣл был произведен за городом.

УIII

КОРОНАЦІЯ ПОВЕЛИТЕЛЯ МОНГОЛІИ.

Урга пышно и торжественно готовилась ко дню коронаціи Богдо-Гыгена, освобожденнаго от китайцев. Для монгол это событіе имѣло значеніе не меньшее, чѣм для русских коронація Императора. В Ургу съѣхались всѣ монгольскіе князья; город заполнила многоликая и красочная монгольская масса, прискакавшая на своих степняках даже из далеких и глухих углов Монголіи. Коронація была назначена в концѣ февраля мѣсяца. Наканунѣ ея Азіатской конной дивизіи был дан приказ: «в 3 часа ночи посѣдлаться, одѣть новую форму, быть при оружіи, при оркестрѣ музыки и выступить из Маймачена в Ургу, гдѣ построиться шпалерами от дворца Богдо до главной кумирни».

По лѣвой сторонѣ улицы выстроились части дивизіи, по правой — монгольскія и бурятскія войска. Простояли в томительном ожиданіи три часа и до десяти часов утра были распущены. Монгольскіе ламы рѣшили, что в эти часы коронація состоятся не может, так как боги против этого и Богдо за ослушаніе грозит несчастье. Ламы сидѣли во дворцѣ и ворожили и только в десять часов утра из дворца показались конные вѣстники. Одѣтые в парчевые красочные костюмы, с трубами из которых раздавались рѣзкіе звуки, вѣстники давали знать, что Богдо скоро будет. Войска замерли, а тысячи народа превратились в каменныя изваянія. За вѣстниками показалась пышная по яркости красок процессія, за которой, храпящія ло-

щади, везли колесницу-треугольник из огромных бревен. В серединѣ колесницы стояла высокая мачта с колоссальным по размѣрам монгольским флагом, отблескивающим своими золотыми нитками. Над замершей площадью раздалась громкая команда: «Азіатская дивизія смирно, равненіе на право, господа офицеры!»

В золотой коляскѣ ѣхал на коронацію Богдо. Он был в золотой парчѣ с темными очками на глазах. Музыка заиграла «встрѣчу», монгольскія дудки подхватили, плача, рыдая, злясь и торжествуя. Онѣ отгоняли от Богдо злых духов. Вокруг золотой коляски скакали монгольскіе князья в пышных восточных одеждах, с конусообразными шапочками украшенными перьями на головах, конусы шапочек были из драгоцѣнных камней — по рангу владѣльцев. Барон и генерал Рѣзухин присоединились к свитѣ Богдо и уѣхали в кумирню на коронацію. Религіозная церемонія в храмѣ шла четыре часа; генерал Рѣзухин вскорѣ вернулся и в эти часы распустил дивизію. Он был возведен в сан «гуна» — монгольскаго князя.

Офицеры разошлись по знакомым и часть из них здорово хлѣбнула зелена вина по случаю торжественнаго дня. Ген. Рѣзухин недовольный тѣм, что Архипов и есаул М. не пригласили его в знакомый им дом, простоял на площади, а когда тѣ вернулись и М. попросил у генерала не становиться в строй, так как сильно пьян, Рѣзухин с усмѣшкой отказал.

Скоро раздалась команда — ѣхал Унгерн. Вид его был необычен. Барон был одѣт в монгольское княжеское платье, в шапочкѣ с пером и сидѣл на

прекрасном степнякѣ, поводья у котораго были желтые — знак высокаго княжескаго чина-всадника. Фигура Унгерна, так близко знакомая всѣм, всегда одѣтая в простую форму, сейчас напоминала разноцвѣтнаго попугая и невольно вызывала у всѣх улыбку. Барон и сам был смущен непривычным нарядом, но старался не показать вида. Он скакал прямо к правому флангу, гдѣ был есаул М. Барону донесли, что есаул пьян. Подъѣхав к флангу, Унгерн спокойно соскочил с лошади, взял у командира полка толстый ташур и подошел к своему адъютанту. Дивизія замерла, ожидая расправы. Барон рѣзко спросил: «Ты пьян?» „Никак нѣт, ваше пр-во, только рюмочку перед обѣдом выпил!" с побѣлѣвшими губами отвѣтил адъютант. «Ну, то-то», задумчиво произнес барон и пошел вдоль фронта. Бѣдный есаул, ожидавшій крутой расправы, был настолько ошеломлен необычно ласковым обращеніем барона, что у него от умиленія за бароновскую доброту на глазах показались слезы.

Прошло полчаса и послышалась громкая бароновская команда: „По мѣстам смирно. Слушай на кра-ул!" Снова заиграла музыка и между шпалерами войск и тысяч народа проѣхал Богдо-Гыген, коронованный в неограниченные повелители Монголіи. Всѣ монголы и буряты встали на правое колѣно, русскіе взяли «на караул» и громкое «ура» покрыло своим гулом городскую площадь и окрестности. Во дворцѣ начался пышный праздник.

Всѣ офицеры Азіатской дивизіи были возведены за взятіе Урги в ранги монгольских чинов-

ников от 1-го до 6-го класса. Празднованіе коронаціи продолжалось нѣсколько дней. Монголы торжествовали, — они имѣли теперь своего Императора.

IX.

НОЧНАЯ ЖУТЬ.

Барон Унгерн, фактически, не нарушал нормальной колеи жизни населенія Урги, стоя на защитѣ жителей, но с врагами расправлялся жестоко и своих подчиненных не щадил. В этом, правой незамѣнимой рукой барона был знаменитый человѣк-звѣрь, садист и палач Л. Сипайлов, котораго вся дивизія именовала «Макарка-душегуб». В Ургѣ барон назначил его полицмейстером и этот полицмейстер оставил послѣ себя длинный до безконечности кровавый слѣд. Помощником полицмейстера, как сказано было выше, был есаул М., адъютантом Сипайлова — поручик Жданов — человѣк сипайловскаго стиля, дѣлопроизводителем чиновник Панков — смиренный и молчаливый парень, палачами и опричниками были: Герман Богданов, солдат без трех пальцев на правой рукѣ Сергѣй Пашков, он же Смирнов — спеціалист по удушенію и Новиков. Это была сипайловская гвардія, которую видавшая виды дивизія боялась и сторонилась.

При занятіи Урги всѣх коммунистов передушили и кончили всѣх евреев. Но десять евреев увер-

нулись от расправы, укрывшись в домѣ одного монгольскаго князя. Дом пользовался неприкосновенностью, но Сипайлов не унывал и учредил за ним наблюденіе. Около дома безпрерывно дежурили сипайловскіе опричники и „Макарка-душегуб“ в концѣ концов добился своего. Прошло нѣсколько дней, бѣглецы успокоились и в один мелко-дождливый вечер вышли за ворота княжескаго дома подышать свѣжим воздухом. Это стоило им жизни. Сипайловскіе люди схватили их и в одно мгновеніе они очутились на гауптвахтѣ. Бѣдные люди посѣрѣли, они знали, что жизнь их кончена, но вряд ли они могли представить как жестоко закончится их жизненная эпопея.

Через полчаса на гауптвахту пріѣхал Сипайлов с «молодцами» и пойманных стали по очереди душить. Сквозь дверной засов просовывали петлю, накидывали ее на шею очередного и Пашков изощрялся в удушеніи людей. Трупы несчастных бросали в китайскую арбу и вывозили за город на съѣденіе собакам, которых в окрестностях Урги бродило тысячи. Так погибли в Ургѣ послѣдніе евреи, если не считать одной несчастной еврейки, которая за свою красоту попала в руки Сипайлова. Ея участь была болѣе чѣм незавидна, и если взять на вѣсы ея смерть и то что она пережила, — и то смерть была бы лучше и привлекательнѣе.

Но на кровавом фонѣ фигурами мучеников были не одни евреи, — на унгерновскій эшафот часто всходили и его близкіе подчиненные.

Есаул М. получил у Унгерна разрѣшеніе отпраздновать новоселье, позвал в гости офицеров

и знакомых горожан и отдыхал в кругу мира, хоровых пѣсен и задушевных разговоров. Неожиданно дверь комнаты рѣзко распахнулась и на порогѣ показалась ехидная, хихикающая, сгорбленная фигура „Макарки-душегуба." Он не был гостем, так как офицеры избѣгали его присутствія, а потому его появленіе произвело на всѣх жуткое впечатлѣніе. „Есаул М. срочно к начальнику дивизіи, хи-хи-хи..." забормотал он. „Зачѣм?" спросил М. «Не знаю цвѣтик мой, не знаю», снова забормотал Сипайлов, ехидно посмотрѣл на всѣх и торжественно удалился. Настроеніе у всѣх упало. В 12 часов ночи вызов не предвѣщал ничего хорошаго, но хотя дамы и уговаривали есаула немедленно бѣжать из Урги, но он взял два револьвера и помчался к Унгерну. Барон кричал на Сипайлова, потом ударил его по лицу, выгнал, а потом рѣзко спросил М. — „Лауренца знаешь?" «Так точно знаю!» „Его сейчас же кончить. Сам кончи, а то эта сволочь Бурдуковскій еще будет над ним издѣваться. Ну, иди!"

Подполковник Лауренц — преданный слуга Унгерна сидѣл на гауптвахтѣ, в мѣстѣ, откуда люди живыми не уходили. Он был эвакуирован, как раненый и когда прибыл в обоз, то приказал фельдшеру Лагунову, от имени барона, отравить всѣх раненых, как лишнюю обузу дивизіи. Фельдшер перепугался, бѣжал в Ургу и здѣсь доложил Унгерну. Бурдуковскій с нѣсколькими солдатами нагнал Лауренца по дорогѣ в Хайлар и привез его в дивизію. Барон лично допросил арестованнаго и тот до выясненія его дальнѣйшей судьбы сидѣл на гауптвахтѣ.

С тяжелым сердцем вошел М. на „губу." Лауренц спал. Есаул разбудил его и сказал: „вас требует Унгерн. Но он приказал вам связать руки, так как боится, что вы можете бросится на него."

Лауренц быстро вскочил с нар, вытянулся и бросил: „Не узнаю барона. Ну что же вяжите." Связали и М. с Лауренцом сѣли в каляску. Ѣхали молча, но когда коляска быстро проскочила мимо квартиры Унгерна, гдѣ еще был виден свѣт, Лауренц рѣзко повернулся к М. и спокойно сказал: „Вы меня везете кончать?" „Так точно, г-н полковник" едва слышно промолвил есаул. Лауренц немного помолчал и потом, как бы взяв себя в руки, спокойно стал говорить. „Вот возьмите фамильное кольцо и передайте его ротмистру Исак. Он знает моих родных, быть может проживет больше меня и передаст кольцо?" Лауренц снова замолчал, а потом спокойно продолжал: „А мой револьвер, который вам так нравился, возьмите себѣ на память обо мнѣ." В голосѣ осужденнаго не дрожала ни одна нотка и казалось, что эти люди ѣдут не убивать один другого, а в ночной ресторан поужинать и посмотрѣть новую программу. Ночь была бѣшенная. Крутил вѣтер, кругом было темно, как в могилѣ и зловѣще заливались за городом собаки. Онѣ ждали себѣ пищу — новый человѣческій труп. „А барону передайте, что я ему служил вѣрой и правдой и исполнял только его приказанія," еще добавил смертник.

Выѣхали за город. Кучер повернулся и спросил: „Прикажите остановиться, г-н есаул?" «Да». Лауренц сошел с коляски и спросил: «Вы меня рубить будете или стрѣлять?» В отвѣт на это еса-

ул М. дрожащей рукой направил революер в голову подполковника и выстрѣлил. Несчастный упал и простонал: «Какой вы плохой стрѣлок, добивайте же скорѣе, ради Бога! ..». М. трясла лихорадка, он снова выстрѣлил и снова не добил. «Не мучайте, убивайте же!» стонал разстрѣливаемый. „О Боже!" А М. палил в него и не мог попасть ему в голову, пока очумѣлый от ужаса кучер не соскочил с коляски, подбѣжал к извивающемуся на землѣ Лауренцу, приставил к его головѣ револьвер и выстрѣлил. Подполковник замер. М. вскочил в коляску и сумасшедшим голосом заорал: «Скорѣй, скорѣй, в город, в город!!!» Лошади помчались от страшнаго мѣста. Остервенѣло выли собаки. Ночная жуть ургинской жизни говорила об ужасах.

Унгерн прослушал доклад лицом к стѣнѣ и не сказал ни слова.

X

УРГИНСКІЯ НОЧИ.

Страшныя ночи переживала столица монгольскаго царства. Все продолжалось послѣ жутких часов разстрѣла Лауренца.

В Ургѣ в ту пору жил один корейскій доктор по фамиліи Ли. Его обвиняли в близком сотрудничествѣ с коммунистами и Сипайлов взял его на особый учет. Доктор жил в европейской части города, в деревянном домѣ из трех комнат с кух-

ней. С ним жили три человѣка прислуги. Поздней ночью к доктору заявился Сипайлов с вѣрными палачами — Чистяковым, Пашковым, Богдановым и еще двумя другими опричниками. Из офицеров он взял с собой есаула М. «по приказу барона». Дом спал; двери осторожно открыл один из чинов комендантской команды, дежурившій у доктора. Начался тщательный обыск, результатом котораго было немного денег, разобранный браунинг и сто штук патрон к нему. Во время обыска, по приказу Сипайлова, как бы для допроса, уводили прислугу по очереди в одну темную комнату и здѣсь душили. Пашков-Смирнов — спеціалист по такой казни, все дѣлал так, что доктор не только ничего не слышал, но ничего и не подозрѣвал. М. дѣлал обыск в кабинетѣ у доктора. Там стоял один шкаф, который кореец просил не осматривать, а когда ему было приказано открыть шкаф, доктор бросился на колѣни, плакал и умолял „не отворять!" Это уже было подозрительным и шкаф был сорван с замка.

И всѣ участники обыска были поражены, даже сам «Макарка-душегуб» не мог скрыть своего смущенія. В шкафу стояла ванночка аршина полтора длиной, а ней лежала дѣвочка мѣсяцев одиннадцати. Дѣвочка была одѣта в розовое платьице, лежала как живая и была вся убрана искуственными цвѣтами. Дѣвочка — дочь доктора — была забальзамирована. Кореец бросился к ней, упал на колѣни перед трупиком дочурки и горько, горько плакал. Смущенный Сипайлов вышел в другую комнату, вызвал туда двух палачей и доктора. Сипайлов начал с доктором разговор, во время ко-

тораго один из опричников сзади набросил на шею несчастному доктору веревку, а Сипайлов схватил его за руки... Доктор зашептал, как будто, молитву, но через минуту был уже трупом. В одно мгновеніе всѣ трупы задушенных были брошены на арбу и вывезены далеко за город.

На другой день полицмейстер Урги Сипайлов объявил приказ, в котором говорилось, что корейскій коммунист доктор Ли со слугами бѣжал из города и что кто укажет их мѣстопребываніе или доставит властям, получит крупную награду.

„Макарка-душегуб" торжествовал. Он был доволен, так как садическія наклонности он снова удовлетворил. Но с М. вышло хуже. На утро с ним начались нервные припадки и когда к нему прибѣжал обезпокоенный Сипайлов, есаул набросился на него повалил на пол и стал душить. Побитаго полицмейстера еле отняли от впавшого в безуміе М., а барон приказал больного отправить в госпиталь. Его повел в больницу вѣстовой, который не замѣтил, что есаул надѣл на себя шашку. И это едва не стоило жизни Унгерну. Послѣдній выходил из госпиталя и на крыльцѣ встрѣчился с есаулом. Тот в одно мгновеніе выхватил клинок и бросился на барона, но послѣдній успѣл скрыться в одной из комнат, а офицера обезоружили и помѣстили в отдѣльную комнату при госпиталѣ. Долгое время М. пролежал в больницѣ, а когда вышел, то объяснил Унгерну, что у него припадки с германской войны, послѣ контузіи. Сказать правду — стоило жизни.

XI

ДУСЯ.

Много жуткаго и страшнаго принес женщинам унгерновскій палач Сипайлов. Барон их не любил но в их обществѣ он, как потомок древних рыцарей, был не только вѣжлив, но любезен и увлекателен, как собесѣдник. Зато Сипайлов обращался с ними по «сипайловски».

Как то вечером, есаул М. зашел в гости к сестрѣ своего друга войскового старшины Архипова и застал ее в слезах. Молодая дѣвушка подала ему записку от Сипайлова, в которой послѣдній приказывал ей придти к нему поздно вечером на квартиру для допроса. Возмущенный М. бросился с запиской к адресату и между ними произошел такой разговор: „Ты почему вызываешь ночью на допрос дѣвушку?“ „Она замѣшана в большевизмѣ“ — «Гдѣ данныя?» — „У шт.-капитана Безроднаго“ „Ну так слушай! Если ты ее вызовешь ночью на допрос, я сейчас же доложу барону, а он, сам знаешь, что за такія штуки с тобой сдѣлает“ и М. круто повернулся, а на ходу добавил: „Да не забудь, что Архипов скоро возвращается с похода. Он с тобой раздѣлается.“

На утро М. пошел к Безродному — парню лѣт 23, но достойному соратнику Сипайлова. Тот брился и на рѣзкое требованіе, есть ли данныя о большевизмѣ Любы Архиповой, сказал: „Посмотри в ящикѣ стола!“ „Там ничего нѣт!“ „Посмотри в другом.“ „Там тоже нѣт.“ „А, впрочем, на кой черт данныя, когда я говорю!“ иронически вос-

кликнул Безродный. „Негодяй!“ крикнул М. схватил графин, запустил им в молодого чекиста и выбѣжал из дома.

На утро с полком пришел из похода Архипов и узнав, что грозило его молоденькой и хорошенькой сестрѣ, бросился к Сипайлову. Перепуганный палач отрекся от всего и указал, что все это продѣлал Безродный. Архипов полетѣл к барону; тот успокоил его, а в отвѣт на требованіе разрѣшить дуэль с юным негодяем, отправил Безроднаго в Улясутай. Ему было поручено поймать там полковника Полетика со штабом и разстрѣлять их. По полученным свѣдѣніям Полетика вел работу с большевиками. Безродный быстро скрылся из Урги и скоро жуткія вѣсти докатились обратно. Этот юный звѣрь вырѣзал почти поголовно всѣ русскія селенья, как Барон-курен, Ван-курен и др. Ограбил и когда догнал на походѣ дивизію — имѣл брилліанты, собольи шкурки и др. цѣнности. Избѣжавшіе смерти от его рук, передавали такую жуть, что повѣрить этому можно лишь ближе увидѣв оскал человѣка-звѣря, садиста-палача. Много молодых женщин бралось им на потѣху и послѣ убивалось. Но и его патрон не дремал.

В один чудный ургинскій вечер, когда всѣм не только хотѣлось жить, братски проводить ночные часы и тихо любить, Сипайлов пригласил к себѣ на ужин монгольскаго военнаго министра Ваську Чжан-Балона, бывшаго старшаго унгерновскаго пастуха, есаула М., Парыгина и ротмистра Исака. Сипайлов жил в верхнем этажѣ большого барскаго дома, а в нижнем этажѣ у него жила

захваченная наложница — еврейка. Но в его квартирѣ жила и другая женщина, которую он взял себѣ под видом горничной. Она была миловидна, лѣт 24 и уже пережила большую драму. Казачка, родственница атамана Семенова, послѣ взятія бароном Урги, она шила на всѣх офицеров, пока ее не захватил себѣ Сипайлов.

У Сипайлова был накрыт роскошный стол. Подавала казачка Дуся, мило всѣм улыбалась, а когда Сипайлов и офицеры разошлись от выпитаго, стали пѣть и танцевать, Дуся весело подхватывала знакомые напѣвы, щеки ея покрывались густым румянцем и она спохватившись быстро убѣгала. Сипайлов был в ударѣ. Пѣл, плясал, безпрерывно всѣх угощал и казался таким милым и привѣтливым хозяином, что даже забывалось кто он и как его фамилія. Наконец перешли к ликерам и кофе. Началась мирная бесѣда, во время которой Сипайлов часто отлучался. Наконец он вошел в комнату с веселым и торжественным видом, потирая руки и по своему мерзко хихикая важно сказал: „Господа, я вам приготовил подарок за честь посѣщенія моего дома. Идемте!" И он провел гостей к себѣ в спальню, показал на мѣшок, лежащій в углу комнаты и добавил: „Смотрите-ка, хи-хи-хи!" Гости недоумѣвали, а один из них развернул мѣшок. В нем была задушенная Дуся. Кошмар, который никто не ожидал и не мог представить себѣ. Хмель из голов сипайловских гостей мгновенно испарился и они бросились из дома „милаго хозяина." Вслѣд им неслось ехидное хихиканье „Макарки-душегуба."

XII

ПРОЩАЙ УРГА.

Смерть Архипова.

В один ясный и солнечный майскій день во всѣх полках Азіатской дивизіи нѣжно запѣли военныя трубы: „Всадники, други в поход собирайся..."

Барон Унгерн рѣшил кончить мирное житье в Ургѣ и начать боевую жизчь — сломить красных или сломить голову себѣ. Ко дню выступленія, всѣ чины дивизіи были заново прекрасно обмундированы, снаряженіе пригнано, кони выкормлены и выстояны, артиллерія подобрана, обоз отобран и расчитан на дальній путь, калѣчь оставлена и всадники вымунштрованы. Утром вся дивизія выстроилась на площади; священник отслужил напутственный молебен. Раздалась команда: „по коням!" Азіатская дивизія выступила на Троицкосавск, справа рядами. Она представляла красочное и нигдѣ невиданное зрѣлище. Всѣ всадники и офицеры были одѣты в шелковые темносиніе монгольскіе тырлыки, в шелковых фуражках, при шашках, винтовках и ташурах. Ташуры — особые бамбуковые палки, каждый упирал одним концем в стремя, а на другом концѣ лежала рука. На плечах ярко выдѣлялись погоны, украшенные трафаретами из чистаго серебра: двуглавый орел, а под ним номер полка. За плечами развѣвались шелковые разноцвѣтные башлыки: зеленый у татарской сотни, желтый у забайкальской, ярко-алый

у бароновскаго штаба и др. Дивизія потянулась по городским улицам и вышла за город на троицкосавскую дорогу. Гремѣл прекрасный оркестр под управленіем капельмейстера И. Д. Чижова, игравшій марши, а когда музыка умолкала, лилась подголосная, заунывная, как степь, казачья пѣсня, то лихая, то остро-печальная. На улицы высыпали всѣ горожане, которые уже свыклись с унгерновцами, а у ворот домов грудились женщины и дѣвушки, махали платочками и многіе, многіе плакали. Не один всадник смахивал стыдливую слезу со щеки, ибо жизнь брала свое и за время стоянки много драм, романов и трагедій произошло в сердцах унгерновцев и ургинок. Уходили в неизвѣстную даль, шли на невѣдомое и мало кто надѣялся вернуться из унгерновскаго похода.

Барон сіял. Он был весел и сопровождаемый штабом, сам красочно по азіатски одѣтый, громко бросил горожанам: „Не поминайте, господа, лихом, прощайте!“—Широким наметом он проскакал вдоль медленно плывущей и покачивающейся дивизіи, коротко бросая: „Здорово Татарскій, здорово Забайкальцы, здорово Монгольскій...“ „Здравія желаем, ваше пр-во!!!“ неслось дружное в отвѣт.

В Ургѣ остался лишь Сипайлов со своей опричниной, чины комендантской команды и полковник Лихачев с монгольским военным училищем.

Шли до четырех часов. В это время дивизію на автомобилѣ нагнал сотник А. К. Еремѣев — старый адъютант барона, оставшійся еще в Дауріи и теперь неизвѣстно откуда появившійся. Он вошел в раскрытую палатку Унгерна и больше часа не

отрывая руку от козырька, о чем то докладывая начальнику дивизіи. Дивизія переговаривалась: „Зачѣм пріѣхал Еремѣев, долго ли пробудет? Что с ним сдѣлает барон?" Еремѣев много зла причинил унгерновцам еще в Дауріи и в Хайларѣ и, они его ненавидѣли. Наконец, Еремѣев вышел из палатки и покатил обратно. За ним посыпалась густая брань и далекія пожеланія унгерновцев. Они с ним прощались навсегда.

Дивизія шла, но связь с Ургой все еще не хотѣла порываться. На слѣдующій день дивизію нагнал на автомобилѣ Сипайлов с нѣсколькими своими приближенными. Черная тѣнь „Макарки-душегуба" все еще не хотѣла разставаться с дивизіей и у многих тяжело стало на душѣ. Сипайлов пробыл с полчаса. О чем то доложил барону и умчался назад. «Макаркин» слѣд скоро отыскался. В дивизіи от сипайловскаго шофера уже узнали, что наканунѣ он задушил полковника Лихачева за то, что послѣдній якобы напился пьян и зарубил шашкой собаку. Это была официальная причина — для Унгерна, а дѣйствительная — Сипайлов свел с Лихачевым старые счеты. Узнали и дальше, что «Макарка-душегуб» пріѣзжал с докладом, что он обнаружил преступленіе Архипова. Якобы Архипов скрыл золото и серебро: серебра пуд 15 фунтов а золота пуд и оставил их в Ургѣ у пріятеля. Сипайлов этим свел счет за сестру Архипова. В это время Архипов был помощником командира 1-го коннаго полка у войскового старшины Парыгина. Несчастный не знал о своем близком и страшном концѣ и спокойно ѣхал с полком. Дивизія стала на ночевку. Архипов прислал к есаулу М.

записку: „Приходи. Есть хорошая закуска и хорошій коньяк.“ Архипов помѣщался вмѣстѣ с Парыгиным и когда М. вошел в палатку, то нашел там полный кавардак. Все было перевернуто вверх дном; закуски лежали на землѣ; Архипова не было. Предчувствуя недоброе, М. бросился искать его и скоро ближайшіе казаки разсказали ему, что в палатку вскочил Бурдуковскій с помощником, связали Архипова и увели в ближайшій лѣсок. Есаул М. бросился туда... Лѣс зловѣще шумѣл. О чем то негодующе торопливо говорили его листья, а на одной высокой осинѣ, густо озаренной багровыми лучами солнца, медленно качался труп войскового старшины Архипова. На плечах его тускло поблескивали серебряные погоны... Глаза его были страшно выкачены наружу и чернѣл далеко высунутый язык... Жуткое зрѣлище! М. схватился за голову и бросился бѣжать от страшнаго мѣста. Через час вся дивизія уже знала о страшной кончинѣ Архипова и глухо негодовала. Войсковой старшина Архипов считался одним из лучших офицеров, котораго казаки считали старшим братом. Сипайлов был уже далеко.

XIII

ЗАРЫЛИ ЗОЛОТО.

Азіатская дивизія шла скорым маршем на красный Троицкосавск. На одном из привалов, в дивизію прискакал прапорщик татарской сотни Ва-

лишев, который доложил Унгерну, что его разъѣзд на запад от дивизіи задержал караван в 18 верблюдов с русской охраной. Это был караван с золотом, который адмирал Колчак послал в Полосу Отчужденія в г. Харбин в Русско-Азіатскій банк. Барон немедленно же вызвал к себѣ есаула М. и приказал ему: „Возьмешь двадцать бурят, примешь от Валишева караван и когда он придет сюда с верблюдами, разъѣзд отошлешь, а сам зароешь ящики с "патронами." Понял?" «Так точно понял!» „Ну иди!"

Дивизія немедленно же снялась и вышла дальше, а есаул М. с бурятами остался. Скоро подошел караван и Валишев с разъѣздом быстро поскакал догонять дивизію. Ящики сгрузили. Они были в банковской упаковкѣ, с печатями и пр. Когда же один ящик упал с верблюда на камни и разбился, в нем оказался мѣшок с золотом. У бурят заблестѣли, но мысли взять ни у кого не было. Страх перед бароном был сильнѣе. Мѣстом для сокрытія золота выбрали небольшое ущелье, судя по выбоинам и шурфам — выработанный пріиск. Там золото зарыли и утромбовали землю. Есаул М. с бурятами уже садился на коней, когда впереди показалось облако пыли и вскорѣ на взмыленных лошадях прискакал Бурдуковскій с конвоем. У. М. дрогнуло сердце. Этот унгерновскій «Квазимодо» всегда появлялся, как вѣстник зла и темнаго ужаса. Так было и здѣсь. Бурдуковскій коротко бросил есаулу М.: «Есаул, немедленно к начальнику дивизіи, а буряты останутся со мной». М. быстро уѣхал, а Бурдуковскій обезоружил бурят, отвел их версты двѣ в сторону и разстрѣлял.

Дивизія шла на Троицкосавск, куда 4 іюля должен был с лѣвой стороны Селенги подойти с бригадой генерал Рѣзухин, чтобы общими силами сбить красных с этого крупнаго стратегическаго пункта. Рѣзухин вышел из Урги ранѣе дивизіи на нѣсколько дней. Дивизія шла перемѣнным аллюром, а в авангардѣ, шел монгольскій дивизіон Найдин-гуна. Этот молодой монгольскій начальник принес первое несчастье. Он, без приказа Унгерна, рѣшил молодецким налетом сбить красных и захватить Троицкосавск, бросился в атаку, потерял массу убитых и раненых и был отброшен с троицкосавских сопок.

Была ночь темная, дождливая и вѣтренная. Дивизія не могла разжечь костров, мокла и дрожала от холода. Барон уже получил вѣсти о пораженіи монгол и ходил по лагерю злой, как потревоженный сатана. В лагерь прискакали раненные монголы и один из них, случайно попался на глаза Унгерну. „Ты чего?" спросил барон. «Та ваше превосходительство, та я это ранен». «Ну, так иди к доктору». «Та это он не хочет меня перевязку дѣлать». „Что!!?" заорал барон. „Доктора Клингеберга ко мнѣ!" пустил он по лагерю. Прекрасный хирург и дивный администратор д-р Клингеберг, создавшій в Ургѣ образцовый госпиталь-доктор, у котораго за это время не было ни одной смерти, доктор, относившійся к своим обязанностям идеально честно, подошел к барону. „Ты, мерзавец, почему не лѣчишь раненых?!" закричал Унгерн и не прослушав объясненій, ударил ташуром по головѣ бѣднаго доктора. Доктор упал. Тогда барон стал бить его ногами и ташу-

ром пока несчастный не впал в безсознательное состояніе. Унгерн быстро ушел в палатку, а Клингеберга унесли на перевязочный пункт. Дивизія мрачно молчала, но о состояніи доктора в эту ночь никто не говорил. Только на утро к Унгерну пришла сестра милосердія и сказала: „Разрѣшите эвакуировать доктора?" „Почему?" рѣзко спросил барон. „Вы ему вчера переломили ногу и его положеніе очень серьезно," со страхом объяснила сестра. „Хорошо. Отправьте его в Ургу и сами поѣзжайте с ним," коротко бросил Унгерн. И вот, вслѣдствіе безсмысленной лжи монгола и полнаго нежеланія начальника дивизіи разобраться в том, что он ему сболтнул, унгерновцы остались совершенно без медицинской помощи. А впереди надвигались крупныя событія.

XIУ

РАЗГРОМ.

Огни Троицкосавска потухли.

Шел безпрерывно дождь, дул страшной силы вѣтер, дорога превратилась в жидкое и вязкое мѣсиво и дивизія не успѣла подойти к Троицкосавску к назначенноу сроку — 4 іюня. Барон подошел к городу только 6 іюня, но генерал Рѣзухин выполнил приказ. Он подошел в срок, повел атаку, но так как имѣл слишком небольшія силы,

успѣха не имѣл и отошел.

Азіатская дивизія подошла к Троицкосавску и сразу же начала бой. Красные укрѣпились вокруг города на сопках и встрѣтили унгерновцев бѣшенным огнем. Но унгерновцы шли и шли, а впереди их, там и тут, показывался барон Унгерн с ташуром. При его появленіи, бѣшеное „ура" неслось с предгорій и сотни Азіатской дивизіи быстро поднимались на горные хребты и гнали красных, как стадо, в лощину. К одиннадцати вечера всѣ сопки были в руках унгерновцев, но огонь не прекращался. Там и тут красные пытались переходить в контр-атаку, но успѣха не имѣли.

Внизу горѣл огнями заманчивый Троицкосавск. Дивизія, оставив на сопках заставы, отошла в лощину. И отдыхала ровно сутки. Поздним вечером красные повели снова наступленіе и сбили унгерновское сторожевое охраненіе с одной из сопок. Нужно было возстанавливать положеніе и барон приказал всѣм спѣшиться, оставить лошадей, артиллерію и обозы в лощинѣ, построив дивизію, встал впереди ея с ташуром и пошел в контр-атаку. Зачмокали пули, затрещали красные пулеметы, но унгерновцы, во главѣ с бароном, с бѣшенным «ура» быстро достигли вершины и сбили красных. Тѣ побѣжали, но не в направленіи города, а в сторону от него,

Было четыре часа ночи. В темной мглѣ лощины, гдѣ лежал Троицкосавск, кое-гдѣ, изрѣдка, вспыхивали огоньки, и всѣ ждали, что Унгерн прикажет продолжать наступленіе на город и освободит тамошнее населеніе от краснаго ига. Нервы у всѣх были приподняты, в душѣ каждаго ли-

ковала буйная радость и никто не чувствовал усталости. Но барон в первый раз пожалѣл своих соратников и приказал сойти с сопок, вернуться в исходное положенie, в лощину, в узкую щель и ложиться спать. На горах был оставлен с китайским дивизiоном Парыгин. Это погубило все, это привело к жестокому разгрому Азiатской дивизiи.

Было 5 часов утра 8 iюня 1921 года. Большая часть унгерновцев уже спала, нѣкоторые укладывались на землю, остальные сидѣли, курили и дѣлились впечатлѣнiями боевого дня. Часть красных, бросившаяся от города в сторону, наткнулась на китайцев, крикнула «ура» и китайцы в паникѣ побѣжали с гор. В один момент красные были уже на вершинѣ, поставили пулеметы и открыли ураганный огонь по узкому ущелью. Пули сыпались как дождь, рыли землю, с жалобным визгом рикошетировали от камней и их зловѣщее завыванiе дополняли разрывы гранат. Гранатами красные забрасывали ущелье. Унгерновцы не ожидали нападенiя. Они лежали на землѣ вповалку, кто гдѣ и как повалился спать, части были не собраны, огонь был внезапный и среди них началась паника. Люди, которые видѣли многое, прошли огненное горнило германской и гражданской войн, окончательно растерялись и стали бросаться из стороны в сторону. Паника становилась стихiйной. Вездѣ сыпался свинцовый град, яростно и жалостно ржали лошади, свистѣли осколки и в предутренней мглѣ мѣсто узкаго горнаго ущелья казалось адом. Всѣ бѣжали не отдавая себѣ отчета куда и когда есаул М. проскакивал мимо полатки Унгерна, он мельком успѣл замѣтить, что в

ней на землѣ лежали груды серебра. Барон собирался передать наградныя деньги пріѣхавшим из Монголіи князьям. Барона в палаткѣ не было.

Выход из ущеля, яростно посыпаемый ружейным огнем, представлял собою кашу людей, дико вздымающихся на дыбы лошадей, перевернутых орудій, повозок, разбросанных лопат и дико орущих верблюдов... Унгерновцы проскакали проход и уходили в сторону Урги. Вмѣсто ожидаемой побѣды и занятія Троицкосавска, полный разгром, полный крах начатаго наступленія. Всѣ бѣжали и только послѣ, через нѣсколько верст, военным или степным инстинктом, сгруппировались в три безпорядочныя кучи и... начали отступать. С одной группой шел Унгерн, с другой Парыгин и с третьей Марков — командир 4 полка. Каждая группа ничего не знала о существованіи остальных и шла по волѣ стихіи, руководствуясь не опредѣленным направленіем, а темным инстинктом людей потерпѣвших крушеніе. Шли как бы в направленіи на Ургу. Красные быстро учли свою побѣду и еще быстрѣе заходили в тыл, рѣзали дорогу отступавшим. В каждой деревушкѣ, из каждаго лѣска унгерновцев встрѣчали оружейные залпы и пулеметный огонь. Отступавшіе как безумные кидались в разсыпную, потом, как то прорывались, снова сходились в группу и снова быстро уходили от мѣста неожиданной бойни. Шли без всякаго строя и без опредѣленных начальников, как говорится «справа по кучам». К марковскому отряду невѣдомыми путями присоединилась повозка с малыми денежным ящиком и всѣ злились на эту обузу, которую боялись бросить и которую нужно

было везти с собою. В горном ущельѣ дивизія оставила четыре орудія, весь обоз, всѣх верблюдов и дивизіонную икону, которую возили в экипажѣ тройкой лошадей. Разором был полный; впереди была неизвѣстность.

ХУ

РАЗБИЛИ КРАСНЫХ.

Отсупавшая группа войскового старшины Маркова к часу ночи взобралась на «дабан» — хребет и остановилась пораженной. Внизу, в лощинѣ, горѣли костры. Это был лагерь. Лагерь, конечно, красных, так как о том, что это были свои никто не думал, предполагая, что марковская группа отходит быстрѣе остальных. Усталость брала свое и рѣшили, не разводя огня, ночевать на хребтѣ.

Несмотря на предполагаемую близость врага, всѣ погрузились в сон, как камни в воду.

На разсвѣтѣ есаул М. с нѣсколькими всадниками поѣхал в развѣдку и спустился в лощину. Вчерашняго лагеря уже не было. Он ночью снялся и ушел. На мѣстѣ остались обрывки шелковых халатов, предметы унгерновскаго обмундированія и вдаль шел слѣд орудія. Это были унгерновцы. Марковская группа бросилась нагонять их, но тѣ шли быстро, в свою очередь предполагая, что их нагоняют красные. Марков с отрядом нагнал передовую группу только на рѣкѣ Хорогол.

Здѣсь был барон Унгерн. Он был зол и ни с

кѣм не говорил. Он лишь отрывисто бросил:

„Сколько людей? Гдѣ Парыгин?" И тотчас же отправил развѣдку искать парыгинскую группу. Она ушла на запад и только через пять дней отряд Парыгина присоединился к барону. Дивизія была собрана. Она осталась без обоза, пообщипанная, но людской состав был цѣл. Зато Унгерн был ранен в заднюю часть тѣла пулей. У него было слѣпое раненіе, одна из мучительных ран, но он не слѣзал с лошади и ни стоном, ни ругательством не выдавал адской боли.

Красные не дремали и накапливались около унгерновскаго лагеря. Но Унгерн уже пришел в себя и несмотря на то, что дивизія технически не представляла прежней силы, рѣшил «набить морду» красным. Откуда то появившійся простенькій автомобиль, он приказал обшить картоном, размалевать под цвѣт броневика и каждую ночь обстрѣливал красных из пулемета и возвращался обратно. Наконец барон рѣшил разбить скопившіеся массы красных. «Надоѣли», ругнулся он и приказал в вечерніе сумерки быть готовыми к бою. Красные занимали всѣ окружныя возвышенности, выжидая и готовясь к атакѣ.

Унгерновцы начали наступленіе в четыре часа дня и к вечеру, в сумерки, сбили со всѣх сопок противника. Наступила темная непроглядная ночь.

Сотни, спустившіеся за отступающими красными в долину, потеряли между собой связь и разбрелись в разных направленіях. Красные отступали в паникѣ, но унгерновцы потеряли их в темнотѣ. Стрѣльба шла во всѣх направленіях и точно выяснить, гдѣ сейчас красные и гдѣ свои

не представлялось возможным. Баров вызвал есаула М. и приказал ему: «Поѣдешь и найдешь 3-ю сотню и прикажешь ей выставить сторожевое охраненіе». М. поѣхал на выстрѣлы, но послѣдніе залпами и рѣдкой перестрѣлкой, слышались повсюду. Есаул ѣхал по лощинѣ, пока не наткнулся на какую то часть, медленно ѣдущую по предгорью. «Какая сотня?» крикнул М. «Третій эскадрон», послышался отвѣт. „Что за черт, почему эскадрон?" подумал есаул и подскакал к хвосту колоны. Приблизившись вплотную к первому всаднику, он с трудом разобрал, что у него на головѣ шлем. «Красные» пронизала его голову мысль и он, не подавая вида, рысью поѣхал вдоль колоны. „Но что за черт, как будто бы другіе ѣдут," подумал присмотрѣвшись есаул и снова приблизился к рядам. «Эти в фуражках». «Какая сотня?» тихо спросил он. «Третья сотня» послышался отвѣт. «А гдѣ командир?» «В головѣ». Есаул М. поскакал туда и подъѣхал к передовому всаднику. «Это кто ѣдет?» спросил он. «Ротмистр Забіякин» громко отвѣтил спрашиваемый. Это была разыскиваемая сотня. М. быстро разсказал Забіякину, о том, что к его сотенному хвосту присоединились, по ошибкѣ, красные и тот быстро передал по сотнѣ приказаніе, в одно мгновеніе повернул всадников и открыл огонь в упор по красным кавалеристам. Нѣкоторые из них повалились с лошадей, а остальные вихрем метнулись в сторону и исчезли в ночной темнотѣ. Бой кончился этим эпизодом. Красные были разбиты и согнаны с сопок. Унгерновцы, утомленные многочасовым боем, заснули как убитые. Барон простоял здѣсь еще

нѣсколько дней и рѣшил идти на соединеніе с генералом Рѣзухиным.

XYI

ШТАБ ДИВИЗІИ НА КУСТАХ!

Барон Унгерн рѣшил выступить на соединеніе с генералом Рѣзухиным, находящимся в раіонѣ рѣки Селенги.

К моменту выхода дивизіи с мѣста стоянки, с рѣки Хорогол, были получены печальныя новости. Урга была занята красными и унгерновцы теряли не только свою базу, но и тыл. В бушующем красном морѣ они оставались одни, как ладья среди морских волн.

Дивизія перемѣнным аллюром пошла к Селенгѣ. За один переход до этой рѣки, вперед выѣхали квартирьеры и с ними комендант бригады есаул М. Ѣхали быстро, погода была чудесная, из лощин тянуло живительной прохладой и офицеры вели разговор о том, что теперь будет дѣлать барон. Как наказывать провинившихся?

В Ургѣ он сажал на крыши, в Забайкальѣ на лед, в пустынѣ Гоби ставил виновых на тысячу шагов от лагеря, гауптвахты нѣт... Офицеры смѣялись и говорили, что нынѣшней обстановкѣ Унгерн ничего не выдумает.

Но он выдумал.

Квартирьеры прибыли на бивак разбили его и стали ждать дивизію. На другой сторонѣ был

виден лагерь Рѣзухина, который уже перекинул через рѣку пѣшеходный мостик. Настроеніе было у квартирьеров чудесное, пахло сосною, ароматом цвѣтов, но послѣ разбивки лагеря, с предгорій потянул легкій вѣтерок и по всему биваку распространился тяжелый запах. Что-то гнило, гдѣ то была падаль. Начались поиски и скоро нашли на участкѣ 4-го полка павшую корову. Лопат не было и стали ждать прихода с дивизіей обоза. Дивизія подошла, обмѣнялись с рѣзухинским лагерем радостным встрѣчным „ура", а барон ушел к генералу Рѣзухину. Корову же спѣшно зарывали. Мрачный и злой возвращался Унгерн с противоположнаго берега и в таком угрюмом состояніи подъѣхал к раіону 4-го полка. Есаул М. сидѣл в палаткѣ, босой и с тревогой наблюдал за бароном. Тот поднял голову, понюхал воздух, еще раз понюхал и заорал „Дежурнаго офицера!" Бѣда начиналась и у М. защемило сердце. Офицер подскочил к Унгерну. „Вонь!!!" снова заорал барон Офицер молчал. „Бурятов ко мнѣ!" закричал тот. Явились буряты. „Выпороть! 25!" приказал Унгерн и не успѣл бѣдный дежурный опомниться, как ему уже всыпали 25 ташуров. И только когда он встал, то сказал барону: „Ваше п-во, я не виноват. Старшим был комендант бригады". „Есаула М. к начальнику дивизіи!!!" понеслось над лагерем. У есаула замерла душа. Он быстро одѣл мокрые сапоги и пошел к Унгеру. „Вонь!!!" грозно сказал. „Так точно, вонь, ваше п-во", отвѣтил есаул. „Заразу разводить!..." Понятія о санитаріи не имѣешь!! Пакость разводишь!" уже кричал барон. „Ваше

п-во, корова павшая. Ее зарывают...". „Молчать!" заорал на весь лагерь Унгерн и ударил М. по рукѣ. „Ваше п-во, не смѣйте драться!" крикнул М. и поблѣднѣл. „А не смѣйте .. Я тебѣ покажу... Я тебѣ устрою именины..." И барон закидался, не зная как наказать дерзкаго. И вдруг крикнул: „Марш на куст!"

Около палатки барона шагах в десяти, стояло дерево, вѣтви котораго были от земли не менѣе чѣм сажени на полторы. М. бросился к нему, стал быстро взбираться на дерево, скользил обратно, падал и снова начинал взбираться.

„Если ты сейчас же не залѣзешь, я пристрѣлю тебя, как котенка" спокойно — грозно сказал барон и есаул во мгновеніе ока уже сидѣл на первом су у. „Выше!" приказывал Унгерн. М. лѣз выше и, наконец, забрался почти на самую вершину, гдѣ вѣтви были тонкія и сгибались под ним.

У барона сердце еще не отошло. Он пристально обозрѣл позицію коменданта, отошел к палаткѣ и заорал: „Адъютанта ко мнѣ!" Штабс-ротмистр Павильцев появился перед Унгерном. „Ты чего тут у меня канцелярію развел? это тебѣ министерсто что ли?... Марш на куст!!" Адъютант залѣз на сосѣдній куст. „Начальника штаба ко мнѣ!!" сново разнеслось по бивуаку. Войсковой старшина Львов предстал перед бароном. „Непорядки кругом... Никакого наблюденія. Никакой осмысленной работы. Марш на куст!" Начальник штаба взобрался на слѣдующее дерево. „Безроднаго ко мнѣ!" опять понеслось по лагерю. Скачками подлетѣл штабс капитан Без-

родны и получив приказаніе: „Маріш на кусті" быстро очутился на деревѣ, рядом с другими. „Бурдуковскій" орал Унгерн и когда тот прибѣжал на его зов, барон уже бѣсновался. „Ты почему до сих пор донесеніе не представил?" „Да ваше п-во, я же писать не умѣю", жалобно отвѣчал тот. „А, ты писать не умѣешь, ну, так я тебя образую..." И схватив ташур начал сам всыпать своему вѣрному личардѣ-палачу.

Офицеры сидѣли на кустах, как воробьи на вѣтках. Сидѣть было тяжело. В мягкую часть впивались сучки, вѣтер покачивал вѣтви, а перед глазами был шумный лагерь, откуда кучки людей с большим любопытством наблюдали новую позицію, занятую штабом дивизіи.

Прошел час, два, наступил вечер. В лагерѣ сыграли „зорю", отвели повѣрку и бивуак постепенно стал затихать. Штаб же продолжал сидѣть на кустах и ждать освобожденія с неудобной позиціи.

Барон раздѣлся, голым сходил на рѣку, выкупался и вернулся обратно в палатку. Он зажег свѣчку, взял книжку, лег и стал читать. Офицеры сидѣли на вѣтках.

Прошел еще час. Барон потушил свѣчу и лег спать. Положеніе становилось всѣ болѣе печальным. Сидѣть было мучительно и есаул М. стал стонать. Он громко охал, стонал, шумѣл вѣтками и изрѣдка бросал сучки в унгерновскую палатку. Барону это мѣшало спать, он ворочался на походной кровати, но М. продолжал жаловаться на судьбу и бросал в палатку сучки и вѣтки.

Наконец Унгерн не выдержал, встал, вышел

из палатки, голым подошел к дереву и тихо сказал: „Макѣев!“ „Я, ваше пр-во!“ донеслось в отвѣт с куста. „Слѣзай и иди спать.“ Есаул сорвался с дерева и упал. „Ты ушибся?“ спросил барон. „Не извольте безпокоиться, ваше пр-во,“ мрачно отвѣтил тот и быстро пошел от дерева. Остальные же просидѣли до обѣда слѣдующаго дня.

XУII

ЖИВОТНЫХ БИТЬ НЕЛЬЗЯ.

Десять дней стояли на рѣкѣ Селенгѣ. Подошли обозы, пригнали монгольскій скот и жила Азіатская дивизія в полном достаткѣ. Был іюнь мѣсяц, таинственно шумѣл лѣс, с гор тянуло прохладой; струи Селенги были чистыя и холодныя. Купанье шло цѣлыми днями. Настроеніе у всѣх было хорошее и только Унгерн ходил злой и молчал. На нем сильно отразился разгром под Троицкосавском и нелады с генералом Рѣзухиным.

Среди рѣки находился небольшой островок и однажды казаки увидѣли, что в тальникѣ этого острова появился маленькій козленок. Он жалобно блѣял, потеряв мать, и третья сотня шумной ватагой поплыла к островку, поймали бѣднаго козленка и притащили его через рѣку. Казаки рѣшили подарить гураненка барону и вахмистр с двумя казаками повел козленка к палаткѣ Унгерна. Барон собирался куда-то ѣхать и стоял около

посѣдланной лошади. „Ваше пр-во, от 3-ей сотни гураненка“ сказал вытянувшись вахмистр. „Для чего“ рѣзко спросил Унгерн. Казаки смѣшались и наконец враз заговорили: „Ваше пр-во, вы его прикажите зарѣзать и у вас славное жаркое будет...“ „Болваны, развѣ беззащитных бить можно? Людей нужно бить, а не животных. Отпустите козу“ гнѣвно бросил барон. Ошеломленные казаки отпустили козу; она вихрем взметнулась над лагерем, бросилась в рѣку и поплыла вдоль нея. Барон долго смотрѣл вслѣд отпущенной козѣ, потом вздонул, опустил голову и ушел в палатку. До утра он не выходил из нея.

Вся дивизія была поражена этим случаем и горячо обсуждала слова Унгерна. Душу его понять никто не мог.

Дивизія продолжала стоять, пока над ней не стали кружиться аэропланы и бросать бомбы. Во время бомбандировки один казак был ранен в голову.

Аэропланы стали появлятся каждый день и так как на крыльях послѣдних виднѣлись красные круги, Унгерн рѣшил, что аппараты японскіе. Он приказал готовиться к походу на Верхнеудинск. И не смотря на то, что в дивизіи осталось двѣ пушки, мало снарядов, и, вообще, дивизія технически уже не представляла прежней силы, а на Гусином озерѣ, недалеко от Верхнеудинска, стояли крупныя части красных, барон рѣшил разбить их и занять Верхнеудинск.

Поход начался сопровождаемый аэропланами, которые все еще считали японскими. Пока в один из походных дней, в степи, на взмахи бѣлыми

простынями, аэропланы снизились, покружились над дивизіей, потом быстро взметнулись ввысь и начали ураганную бомбандировку унгерновцев. Аэропланы были красные.

Послѣ этого дивизія принял походный порядок — „справа рядами на дистанцію двух лошадей“ и этим спасалась от бомбандировки.

Степь кончилась и снова втянулись в лѣс и здѣсь уткнулись в бездонное болото — трясину. Для обхода требовалось десятки верст и Унгерн рѣшительно приказал: „Шашки вон! Рубить лѣс, дѣлать гать.“

Заговорил неистовым шумом лѣс, падали деревья, скрѣплялись и быстро воздвигалась гать. И по этой опасной, колышащейся гати перевезли пушки, обозы, перевели лошадей. Это стоило большого труда, мученій и опасностей, но трясина шириной в шестьсот шагов была пройдена.

Пошли вверх по рѣкѣ Селенгѣ, пока не попали в скалы и обрывы, гдѣ дороги уже не было, а велась узкая тропинка для пѣшехода и одной лошади. Развѣдка дороги донесла Унгерну, что пройти здѣсь невозможно, но барон, обозвав развѣдчиков дураками, приказал артиллеристам двигаться по узкой тропѣ, а обозам идти в обход. Артиллерія проходила горную щель необычным способом. Одно колесо орудія и зарядных ящиков шло по тропинкѣ, а второе веревками и баграми люди держали на вѣсу. Было болѣе чѣм рисковано и опасно, но пушки проскачили щель и дивизія перемѣнным аллюром двинулась к Гусиному озеру. Наступила ночь. Горѣли на небесном сводѣ сибирскія звѣзды, пахло кедром, сосною, воздух

былъ мягок и освѣжающ, как глоток воды из холоднаго горнаго источника. До Гусинаго озера оставался переход. Дивизія остановилась на ночевку. Завтра будет сильный бой и многіе уже не увидят мерцающих звѣзд и не будут дышать чистым таежны... воздухом.

Завтра бой.

ХУIII

ГУСИНОЕ ОЗЕРО.

Бой под Гусиным озером для красных был первым ударом, который дал им барон Унгерн, расплачиваясь за свой разгром под Троицкосавском. Азіатская дивизія подходила к нему ночью, проводя переход так, чтобы к утру атаковать сильныя части красных, сосредоточенныя в этом мѣстѣ.

Ночь была темной и безоблачной. Сотни шли друг от друга на дистанціи в 600 шагов, связываясь маяками. Но головная сотня забыла про послѣдніе и 2-я татарская сотня в кромѣшной темнотѣ свернула на другую дорогу и ушла в сторону. Барон остановил дивизію, еще больше помрачнѣл от такого сквернаго предзнаменованія и послал монгол искать пропавшую сотню. Долго стояли, пока потерявшіеся татары не примкнули к дивизіи. Быстро пошли дальше, и когда ночной сумрак стал прорѣзываться первыми робкими бѣлесоватыми полосками, впереди послышались выстрѣлы.

Унгерновская развѣдка подошла к доцану-монастырю у Гусинаго озера и была обстрѣлена красной заставой. Барон вихрем метнулся вперед, быстро обскакал окрестность, вернулся и бросил сотни в разных направленіях, указав им один срок времени для начала конной атаки. Часовая стрѣлка указала роковую минуту и сотни бросились с громким „ура“ в атаку. Онѣ были встрѣчены свинцовым ливнем, замѣшались, бросились обратно, потом быстро привели себя в порядок и снова кинулись на красныя позиціи. Но красные сосредоточили такой ружейный, пулеметный и орудійный огонь по атакующим, что снова лобовая атака не удалась. Барон приказал спѣшиться и приготовиться к атакѣ в пѣшем строю. Двѣ унгерновскія пушченки, которыя как цѣпныя и до свирѣпости обозлившіеся собаки, нашупав красную батарею со второго снаряда и скоро сбив одно из ея орудій, продолжали клевать батарею противника своими снарядами. В этот момент Унгерн бросил три сотни в конном строю на лѣвофланговую сопку, которую занимала красная пѣхота. С бѣшенным «ура» понеслись унгерновцы на сопку и не прошло нѣскольких минут, как их конныя фигуры уже показались на ея гребнѣ и в лучах восходящаго солнца стали блестѣть обнаженные клинки, которыми, как капусту, рубили красных пѣхотинцев азіатскіе всадники. И в это же время заклинилось одно красное орудіе, сбиты с позиціи были остальныя, а спѣшенные унгерновцы уже появились перед позиціей красных. Красные не выдержали и бросились бѣжать, но в тылу у них показался с сотнями командир 3-го полка. Клинки унгерновцев

цев засвистѣли в воздухѣ.

Красные бросились к Гусиному озеру, часть их кинулась в него, часть уже стояла на колѣнях с поднятыми руками и только нѣкоторые образовали рѣдкія кучки и отстрѣливались до послѣдняго патрона.

В плѣн не брали и настолько опьянѣли от гула выстрѣлов, что удержать всадников от поголовнаго истребленія красных не представлялось возможным.

В озерѣ тут и там показывались головы, около их булькали пули и онѣ навѣки скрывались под водой. И кто не был убит, тот утонул в этом сибирском озерѣ, на высоком берегу котораго задумчиво смотрѣл в озерную гладь монгольскій дацан, гдѣ люди ищут Бога, гдѣ славят мир и любовь среди людей и всего существующаго.

Бой кончился. Красные были уничтожены и в руки Унгерна попала богатая военная добыча: пять горных пушек образца 1915 года, много пулеметов, винтовок, патрон и пр. В плѣн были взяты лишь раненный красный фельдшер и сестра милосердія. Их хотѣли помиловать, но они оказались ярыми коммунистами, ругались, не отвѣчали на вопросы, а особенно вызывающе держала себя красная сестра, которая тоже была ранена в ногу. О них доложили барону. Он выслушал и приказал зарубить.

Настроеніе унгерновцев было приподнятое. Старая обида за Троицкосавск, укор военной душѣ, была смыта и дивизія ликовала. Крупная часть 5-ой совѣтской арміи знаменитаго Блюхера была полностью уничтожена.

Быстро прошел остаток дня и вечером лагерь представлял красочную картину. Вездѣ горѣли костры, их пламя отражалось на задумчивой зеркальной глади озера, тут и там гремѣли пѣсни, наигрывала гармошка, слышился раскатистый смѣх, тишину вечера прорѣзывали возгласы и с торжеством и смаком поѣдалась уха из наловленной в озерѣ разнообразной рыбы.

На утро Азіатская дивизія с пѣснями выступила по Тункинскому тракту на Верхнеудинск. На Гусином озерѣ снова застыла тишина и покой и только нѣсколько братских могилок с крестами говорили о том, что наканунѣ здѣсь был бой и унгерновцы оставили в землѣ своих боевых товарищей.

XIX

„КОМ-ЯЧЕЙКА 106."

Послѣ второго перехода от Гусинаго озера Азіатская дивизія остановилась на дневку. Барон приказал дать большой отдых лошадям, людям, подтянуть обозы, привести в порядок оружіе и оставаться на мѣстѣ пять дней.

За это время унгерновцы впервые прошли по совѣтским деревням. Крестьяне жались от страха, а нѣкоторыя деревни были сплошь оставлены и дома в них наглухо заколочены. Красные усиленно агитировали, что унгерновцы звѣри в образѣ людей, всѣх убивают, насилуют и чуть ли не ѣдят

человѣчину. Но этот страх продолжался недолго. Первая же деревня по извѣстному деревенскому „радіо“ опровергла «ужасы» унгерновцев, так как послѣдніе за все платили русским серебром, никого не обижали и в деревнях, чтобы не нарушать порядка жизни населенія, не останавливались. В деревнях оставался лишь унгерновскій комендант, который и слѣдил за тѣм, чтобы никто из крестьян обижен не был. Это повліяло на дальнѣйшее и в послѣдующих походах, на околицу деревень обязательно выходили бабы с ведрами молока, с сибирскими шаньгами, жареной утятиной, лакомствами. Онѣ радушно угощали унгерновцев и от денег отказывались, но барон приказывал платить и тогда комендант за все отсыпал серебром старостѣ. Барон к обидчикам жителей относился свирѣпо и горе было тому, кто попытался бы взять что либо у сибирскаго крестьянина без разрѣшенія или денег.

Итак, дивизія остановилась на отдых, но отдыхать не пришлось. Барон получил донесеніе, что навстрѣчу ему спѣшно послан особый коммунистическій отряд — «Ком-ячейка 106» с приказом унтчтожить унгерновцев. «Ком-ячейка» была технически прекрасно обставлена и люди в ней были испытанные бойцы. В момент донесенія, коммунистическій отряд находился в 120 верстах от унгерновскаго лагеря.

Барон вспылил: «Эта коммунистическая рвань хочет меня уничтожить?!! Ну я покажу этим красноротым! Трубач играй поход!» И над утомленным лагерем весело запѣла серебристую мелодію труба: «Всадники други в поход собирайся...»

На утро, в пять часов, дивизія выступила перемѣнным аллюром и двинулась навстрѣчу красным. Поход был тяжелый. Много коней не выдерживало и их тут же на рыси и наметѣ, мѣняли и всадники перескакивали на заводных из монгольскаго табуна. На разсвѣтѣ подошли к завѣтной деревнѣ, гдѣ остановилась „ком ячейка." Разъѣзд, врѣзавшійся на деревенскую окраину, захватил здѣсь в плѣн трех красных телефонистов. Они вели линію. Телефонисты точно указали барону, что весь коммунистическій отряд в шестьсот человѣк находится на противоположной окраинѣ этой деревни и спит. Унгерн приказал спѣшиться и нѣсколькими колонами через спящую деревню и по кустарнику повел наступленіе. Подошли. Кравные спали в повалку на травѣ, а в далекѣ бѣлѣла палатка комсостава. Винтовки были в козлах и около них сонно маячили два дневальных. Унгерновцы дали залп по красному лагерю и с громким «ура!» бросились туда. Коммунары заметались. Часть из них бросилась к винтовкам, но там уже стояли унгерновцы и били в лоб мѣткой пулей. Нѣкоторые красные становились на колѣни, нѣкоторые пытались убѣжать, но видя что плотное кольцо уже сомкнулось, испуганно сдавались. Однако из палатки штаб ушел. Барон не предусмотрѣл этого, спѣшив всѣх своих людей. Комсостав в одних портках бросился к коновязи и на неосѣдланных лошадях ускакал в тайгу. Пока была сформирована погоня, от убѣжавших и слѣд простыл. Красных убитых было мало. Всѣ были взяты в плѣн и Унгерн приказал коменданту 3-го полка шт.-ротмистру Хребтову всѣх по-

строить, выбрать из них коммунистов и евреев, послѣднихъ приказано было повѣсить. Хребтов приказаніе исполнил и доложил об этом барону.

„Я сам еще посмотрю“ сказал тот. Солнце уже высоко взошло, когда красный отряд снова был построен, а кругом его стояли унгерновцы и с интересом наблюдали за рѣдким зрѣлищем. Красные тянулись. Вдали показался Унгерн. «Смирно, равненіе на-лѣво!» заорал комендант. Барон медленно подошел, зорко окинул замерших красных и рѣзко бросил: «Здорово коммунисты!» «Здравія желаем, ваше пр-во!» дико, но дружно отвѣтили тѣ. Унгерн пошел вдоль строя и пристально смотрѣл в глаза каждому из плѣнных. Тѣ же пожирали его глазами и от напряженія лица их становились пунцовыми. На лѣвом флангѣ барон остановился, смѣрил глазами стоящаго красноармейца и коротко сказал: „Ты жид?“ „Никак нѣт.“ „Покажи паспорт!“ „Ваше пр-во, паспорт в штабѣ,“ залепетал красный. «Да не тот паспорт, другой, природный», сказал барон. „Ваше пр-во, у меня в дѣтствѣ была операц-я!“ замолил посѣрѣвшій плѣнный. «Ваше пр-во, я вам как собака служить буду... Ваше пр-во, я у палатки вашей спать буду, охранять буду, ой, ей ей, как пес вѣрный...»

„Хребтов, ты почему жида на развод оставил? грозно спросил Унгерн. „Ваше пр-во, он не похож на жида, я и ошибся“ отвѣтил тот. „Всыпать коменданту 25!“ крикнул барон и тут же, перед ошалѣвшим от испуга красным строем, коменданта выпороли. „А этого повѣсить... У котораго операція...“ коротко добавил барон.

Осмотр произвел на Унгерна хорошее впечат-

лѣніе и он обратился к красным: „Хотите у меня служить?“ „Так точно, ваше пр-во!“ дружно гаркнули тѣ в отвѣт. „Ну мнѣ вас всѣх не нужно, а вот тридцать человѣк я сам выберу,“ сказал угрюмо Унгерн и отобрав тридцать человѣк, приказал есаулу М. сдѣлать из них образцовых солдат. Остальным выдали на три дня продуктов и оставил на мѣстѣ. Они не хотѣли оставаться, эти красные, и долго еще бѣжали около унгерновскаго коня, хватались за стремя и просили барона взять их в отряд. Ругали коммунистов и говорили, что их они все равно кончат. Но барон своего рѣшенія не измѣнил. Красные остались и понурив головы, уныло смотрѣли вслѣд уходящей грозной дивизіи.

XX

„ВО ВСЯКОЙ ОРГАНИЗЦІИ СВОИ ПОРЯДКИ!“

Послѣ одного перехода, Азіатская дивизія остановилась на отдых. Плѣнный коммунистическій отряд вел усиленныя занятія. Старшим у них был назначен бравый солдат, бывшій старшій унтер-офицер царской службы. Едва всходило солнце, как над лагерем уже неслись его зычныя и отрывистыя команды: „По порядку расчитайсь!.. Чего брюхо вылупил, как беременная баба? Чего голову опустил, чи ты старая кобыла што ли?...“ Коммунисты маршировали, шеренгой проходили с

отданіем чести и коммунистическій унтер обращал на это особое вниманіе. „Во фрунт, ты, красная калѣка, как становишься?... Это тебѣ совдепія што ли? Смотри как старые солдаты ходили и во фрунт ставали... Видал миндал, Михрют Совѣтеевич?“ и унтер демонстрировал свое искусство. А потом переходил, как он опредѣляет, к „здоровканію.“ „Отвѣчать как сотенному командиру!“ орал он и немедленно басил: „Здорово орлы!“ „Здравія желаем, господин есаул!“ неслось в отвѣт. „Отвѣчать как начальнику дивизіи!“ опять заводил он. „Здорово, братцы!„ „Здравія желаем ваше пр-во!“ гудѣли коммунисты, но в их дружный отвѣт вплетались инициативные возгласы: „господин генерал“, „гражданин генерал,“ „гражданин начальник дивизіи“ и унтер входил в раж. „Коммунистическая сволота, политграмоту выучили, а здоровкаться не умѣете! .. Какой вам генерал господин, когда они ваше превосходительство... Какой тебѣ, совѣтская сопля, гражданин начальник, когда у генерала превосходительный чин есть...“

Так шли занятія и скоро бойкій унтер навострил так своих коммунистов, что и старому солдату было любо на них смотрѣть. Конец же занятій с красными протекал в словесности и в наставленіи „уму разуму“ своих подчиненных. Он говорил им внушительно: „Никогда не забудь робя, что у каждой организаціи есть свои порядки и ты не моги их сокрушать, потому военно-полевая служба, военно-полевой закон — чик и нѣту человѣка...“ Хорошо занимались плѣнные коммунары и через нѣсколько дней уже были в пріятном

тельских отношеніях с унгерновцами, но изрѣдка прошлое вырисовывается и повѣлевает. Есаул М., разбираясь в документах штаба полоненнаго коммунистическаго отряда, случайно наткнулся на парт-билет браваго унтера. Есаул был ошеломлен, убит и испуган отвѣтственностью перед Унгерном. Есаул вызвал к себѣ краснаго взводнаго и тот разсказал ему, что его призвали на службу коммунисты, назначили его, как стараго унтер-офицера, взводным, а потом предложили записаться в в партію. Отказ грозил смертью и лишеніями семьѣ. Он стал партійцем. Так это было или нѣт, но есаулу было жаль браваго солдата, да и себѣ грозила опасность от барона. Он побѣжал к генералу Рѣзухину и когда с трудом доказал ему лихость и цѣнность краснаго комадира, тот вмѣстѣ с ним пошел к Унгерну. Барон был мрачен. Он сидѣл на корточках у печки и ковырял в золѣ трубкой (ганзой). „Слушай, барон! Вон у есаула красными партіец командует, а ты ничего не знаешь," сказал Рѣзухин. Унгерн было вскипятился, но когда ему подробно разсказали, что из себя представляет красный унтер и как ведет занятія, он расхохотался, отошел и приказал позвать краснаго взводнаго. „Ну, брат, теперь твоя жизнь у тебя в руках," говорил ему есаул М. Унтер поблѣднѣл, но быстро взял себя в руки, смазал голову салом, начистил сапоги, надѣл фуражку набекрень и отправился... за жизнью или смертью.

„Разрѣшите войти, ваше пр-во," громко сказал он и получив короткое „войди!" откинул полы палатки, лихо стукнул каблуками и отчетливо стал рапортовать: „Ваше пр-во, старшій унтер-

офицер такого-то полка по вашему приказанію прибыл."

Барон долго с ним бесѣдовал, тон его допроса был сух и строг, но когда он получил спокойный отвѣт о числѣ ран у унтера на Германской войнѣ, коротко спросил: „Ты старшій унтер-офицер Императорской службы?" „Так точно, ваше пр-во." „Ну так теперь будешь младшим урядником, а хорошо служить станешь, произведу в вахмистра," сказал барон. „Рад стараться," загремѣл военно-плѣнный, лихо повернулся и весело вышел из палатки.

Через пять минут было видно, как он рвал чистыя портянки и дѣлал себѣ на погоны нашивки-лычки. Среди красных это произвело громадное впечатлѣніе и они в будущем оправдали то довѣріе, которое оказал им барон. Безстрашно дрались они с красными и послѣ, когда все кончилось крахом, ни один из них не остался в окоммунаренной странѣ. Всѣ они ушли с унгерновцами.

XXI

В УРЯНХАЙСКІЙ КРАЙ.

Послѣ ликвидаціи коммунистическаго отряда „Ком-ячейки 106", Азіатская конная дивизія не оставалась на отдыхѣ, еще несколько раз сталкивалась с красными и вела с ними жестокіе бои. Унгерн дѣйствовал маневром и держа путь на

Верхнеудинск, гдѣ он, согласно общаго плана, должен был разорвать красный тыл и заняв город, связаться с семеновскими частями из Читы, бил красных вездѣ на-голову. И продвигался дальше, пока на одной из стоянок ему крестьяне не донесли, что против дивизіи посланы многочисленныя и отборныя части 5-й Краснознаменной совѣтской арміи.

Барон рѣшил не ждать нападенія, а самому перейти в послѣденее, а потому вышел со своей дивизіей красным навстрѣчу, оставив на стоянкѣ, в резервѣ 4-й полк. Красные во много раз превосходили числом, артиллеріей и пулеметами бароновцев и конныя атаки послѣдних давали лишь потери, но сломить врага не могли.

Бой шел цѣлый день не прекращаясь ни на минуту, и Унгерн носился среди своих разбросанных сотен, как демон ада и мести. Красныя цѣпи не доходили до унгерновских позицій, онѣ немедленно сметались, а барон уже вырывал с позицій одну или двѣ сотни, вел ее в обход и с тыла или фланга, в конном строю обрушивался на красных. Тѣ отходили на свои линіи, барон бросался снова в атаку, но сил было мало и снова начинался маневренный бой. Четвертый полк все еще оставался в резервѣ.

Офицеры полка сошлись в одну из палаток и занимались спиритизмом. На опрокинутом ящикѣ, по бумагѣ, двигалось спиритическое блюдечко и открывало тайны. Руководил всѣм сеансом медіум, а офицеры задавали вопросы.

Они спрашивали: „как идет бой?"— Блюдечко отвѣчало: „много потерь, много убито офицеров,

но успѣшно." „Барон Унгерн убит или нѣт?" задавался вопрос. „Нѣт," был отвѣт. „В іюлѣ мѣсяцѣ он будет убит?" «Нѣт," снова выводило буквы блюдечко. И добавило: «От дивизіи он уйдет». „А вызовет сейчас нас барон или нѣт?" спросил один из офицеров. „Вызовет," был категорическій отвѣт. „А ну его к черту, это блюдце, все врет," с раздраженіем сказал один из офицеров и стал раздвигать полы палатки, чтобы выйти. В это время в ночной тишинѣ послышался конскій топот, который все приближался и скоро замер у палатки.

„Гдѣ командир полка?" послышался голос. „Приказаніе от барона Унгерна." И это был приказ полку срочно выступить на помощь дивизіи.

Было двѣнадцать часов ночи. Блюдечко было право. Полк крупной рысью скрылся в ночной темнотѣ и скоро вошел в гущу боя.

Стало немного отзаривать и барон снова бросил на красныя позиціи свои сотни в конную атаку. Бароновцы снова были встрѣчены свинцовым ливнем и ударами на картечь. Они отхлынули. А красныя бросились с криками в контр-атаку и снова легли у унгерновских позицій.

Начался день: бой продолжался безпрерывно. Накалялись орудія, жгли руки винтовки, взмыленныя лошади тяжко и с шумом поводили втянутыми боками. Конныя атаки производились на сопки, в лощины, лошади скакали по кочкам, взбирались на кручи и нѣкоторыя сотни не слѣзали с коней. К красным же все время подходили новыя подкрѣпленія и силы их превосходили унгерновцев уже в десяток раз.

Вечером барон заявил: „Плевать, морду красным мы расшибли, но драться больше не будем. Не для чего, нам нужно идти спѣшно на Верхнеудинск," и приказал развести по всему фронту костры на десять человѣк один. С треском запылали лиственничныя головешки, заревом освѣтилось все темное пространство и унгерновской позиціи, казалось, не было конца.

А в это время, Азіатская дивизія уже перемѣнным аллюром шла по Тункинскому тракту на Верхнеудинск. А в одной из зеленых, пахучих дикими травами и цвѣтами, лощин, верстах в полуторых от красной позиціи, была вырыта братская могила, гдѣ были навѣки зарыты тридцать боевых соратников. Из них было 18 офицеров. Над могилой чернѣл крест. Сотни проходили мимо новаго кладбища и ночную тишь рѣзала команда:

„Смирно, равненіе направо, г. г. офицеры!" Дивизія отдавала почившим навѣки боевым товарищам военный долг: честь и печаль. Раненых было болѣе 80 человѣк: тяжелых — с ранами в в живот, грудь, в лицо и легких. Дивизія не имѣла тыла, кругом были красные, но вести за собой раненых она не могла. Их положили на монгольскія арбы, запряженныя быками, и отправили в направленіи Ван-Курена без охраны, так как бойцы были всѣ на счету. В числѣ тяжело раненых везли младшаго урядника Глѣба Лушникова из Троицкосавска, георгіевскаго кавалера японской войны, который несмотря на преклонный возраст и богатство поступил в дивизію добровольцем. Он был ранен в живот. Раненые не доѣхали до Ван-Курена. По дорогѣ на них напали красные и

всѣх до одного человѣка перерубили.

Унгерн спѣшно шел к Верхнеудинску. К вечеру дивизія спѣшилась у верстового столба, на котором было отмѣчено, что до завѣтнаго города оставалось всего 60 верст. И в этот момент к барону подскакало нѣсколько крестьян из ближайших деревень, сопровождаемых развѣдчиками бурятами. Унгерн отошел с ними в сторону и крестьяне повѣдали ему горькую правду: — все Забайкалье находится в руках красных и об атаманѣ Семеновѣ ни слуху, ни духу.

Унгерн был поражен и взбѣшен. План его общей операціи с атаманом Семеновым рухнул. Свистѣл ташур в бароновских руках, когда он подходил к дивизіи и бил им себя по сапогу.

„По коням!“ рѣзко бросил он, круто свернул с дороги на Верхнеудинск и рысью повел утомленную дивизію на разбитых лошадях на юго-запад — в Урянхайскій край.

XXII

ОФИЦЕРОВ БОЛЬШЕ БИТЬ НЕ БУДУ.

Настроеніе у Унгерна рѣзко измѣнилось. Он стал зол, как лютый цербер, смотрѣл на всѣх звѣрем и говорить с ним было опасно. Каждую минуту, вмѣсто отвѣта, можно было получить в голову ташур или быть тут же выпоротым.

Экзекуціи над офицерами стали эпидемическим явленіем, шла ежедневная порка, избіенія и страх

сбуял всю дивизію. Никто не был увѣрен за свой слѣдующій час а барона офицеры стали бояться как чумы, черной оспы, как сатаны. На него боялись смотрѣть и когда он приказал одному из обозных чиновников пріѣхать и дать справку, послѣдній настолько был перепуган таким свиданіем что заседлал коня и убѣжал в тайгу и пропал.

Обстановка становилась невыносимой и уже стали поговаривали, что барон потому звѣрствует, что хочет перейти к красным. Дивизію одолѣвали мрачныя фантазіи и с таким моральным фундаментом поход в невѣдомый Урянхайскій край никому не улыбался. А Унгерн продолжал бѣсноваться, надѣясь на то что Монгольским полком командует его ординарец Ачаиров, а неграмотный бурят Гладанов „заворачивает" дивизіоном и потому он гарантирован от каких либо выступленій со стороны офицеров. Его отношеніе к послѣдним было уже чѣм к врагам и барон смѣнил бурят „пастухов у табуна" скота и вмѣсто них поставил пастухами офицеров, напримѣр, провинившихся за то что у одного верблюд ноздрю порвал, у другого уздечка была не в порядкѣ и т. п. С длиными бичами гнали офицеры скот и это была такая непріятная для всѣх картина, что смѣялись лишь „квазимодо" „Бурдуковскій" их начальник, да палачи Перлин и др. Бурдуковскій же грубо издѣвался над подчиненными офицерами, лично наказывал их, несмотря на то, что среди послѣдних был командир конно-горной батареи царскаго времени, заслуженные капитаны и поручики. Но такова уже подлая человѣческая натура, а потому и здѣсь нашелся среди офицеров доносчик, штабс-капитан Мыся-

ков быв. студент Казанскаго университета, за свою шпiонскую работу назначенный помощником... Бурдуковскаго. Дивизiя глухо роптала, у забитых террором людей, стало просачиваться наружу возмущенiе и настроенiе всѣх представляло пороховую бочку, у которой фитиль еще не подожжен. Едва поднималось солнце, как дивизiя уже выступала в поход, а барон продолжал еще час, другой спать и уже послѣ нагонял части. Коменданты же должны были ѣхать в верстѣ от хвоста дивизiи и наблюдать за отстающими.

Однажды вечером, барон приказал отправить в развѣдку двух бурят и забыл об этом, а когда утром нагонял дивизiю, то встрѣтил этих бурят позади колоны. В этот момент дивизiя остановилась и поджидала барона. Комендант есаул М. сидѣл вмѣстѣ с группой офицеров и вел наболѣвшiй разговор об озвѣренiи начальника дивизiи.

К офицерской группѣ подскакал казак и доложил М. „Г-н есаул, вас начальник дивизiи требует." Это было уже опасно, это грозило поркой или разстрѣлом. Есаул встал, поставил револьвер на боевой взвод и сказал громко: „Если барон меня сейчас ударит — застрѣлю!" Офицеры сумрачно молчали.

Есаул М., поскакал навстрѣчу барону. Верстах в четырех от дивизiи, на дорогѣ, стоял барон и с ним дежурный офицер подполковник Титов. Увидя скачущего М. барон демонстративно засучил рукав. Есаул увидѣл эти жуткiя приготовленiя, круто осадил лошадь, вынул из кабуры револьвер, заложил его за пояс, и легкой рысью стал подъѣзжать к Унгерну. „Слѣзай с коня!„

кричнул барон и вырвал у есаула повод. М. слѣз. „Ложись!“ приказал Унгерн. Есаул поблѣднѣл, задрожал и пронзительным голосом сказал: „Ваше пр-во. довольно! Я не позволю себя бить... Довольно издѣваться... Я офицер царской арміи, а не ваш холуй... Я не позволю!“ И есаул взялся за ручку револьвера.

Барон пристально посмотрѣл на офицера, кинул ему повод и бросил возглас: „Ишь разжалобил!“ поставил коня на дыбы и начал бить его ташуром... и помчался. За ним бросился дежурный офицер. М. остался один. В головѣ его бродила мысль: „Ну теперь все равно кончит, а куда ѣхат... кругом красные... И он шашком поѣхал к дивизіи. Версты через полторы он нагнал Унгерна. Барон махал ему рукой и кричал: „М. иди сюда!“ Есаул подъѣхал и взял под козырек. „что же ты ничего не смотришь. Непорядки!... Опять два бурята отстали...“ говорил он спокойно. „Ваше п-во, так вѣдь этих бурят вы сами же послали в развѣдку, вот они и нагоняли дивизію“. угрюмо отвѣтил М. „Развѣ? Заря бы я тебя выпорол“. Есаул промолчал. „Ну, как у нас в дивизіи?“ спросил барон. „Плохо ваше п-во в Урянхай никто идти не хочет... Да пошли бы, но вы же каждый день избиваете так офицеров, что даже солдаты и тѣ возмущены... Что им пріятно видѣть своего командира полка или сотни всего вами избитаго... С синяками или выпоротаго...“ рѣзко отвѣтил М. „Гмм .. А чего они на востокѣ дѣлать будут. Локти кусать? А Урянхай богат, там, можно обосноваться и оттуда начать налеты на красных...“ крикливо заговорил Унгерн и добавил: „А офицеров

пороть больше не буду... Буду прямо посылать с плѣнными красноармейцами к красным..."

Дивизія тронулась дальше, к озеру Косогол, гдѣ сгруппировались крупныя совѣтскія части.

XXIII

ПОСЛѢДНЯЯ КАПЛЯ.

Тревожное время переживала Азіатская конная дивизія барона Унгерна. Люди ея замолкли, стали угрюмы и над вечерним лагерем уже не неслись бодрыя хоровыя пѣсни, не видно было барахтающихся на зеленой муравѣ казаков, не сыпалась солдатская брань и лишь вечерняя повѣрка еще говорила, что дух воинской части не пропал. Когда вся дивизія выстраивалась на полянѣ и послѣ команды: „на молитву" „шапки долой!" в поднебесную высь неслись разноязычныя молитвы, чувствовалась мощь и духовная близость. В одном углу торжественно и стройно пѣли „Спаси Господи люди Твоя", в другом концѣ-заунывно тянули татары „Иль Алла..." рядом пѣли молитву, отдающей стариною и тоской степи, буряты, в голос борматали китайцы и громко пѣли японцы свой національный гимн... Эта картина мольбы к Богу на всѣх языках, в глухой тайгѣ или на берегу степной рѣки, была величественна, исключительна своеобразна и незабываема. А потом лагерь угрюмо замирал и лишь изрѣдка брякали шашки и винтовки проходящих на смѣну застав и

караулов сторожевых частей. Дивизія жила послѣдніе дни и это инстинктом чувствовал самый послѣдній из диких монгол. А барон продолжал звѣрствовать и его палач Бурдуковскій ходил ошалѣлый от ежедневной кровавой работы... Но ему, этому „забайкальскому квазимодо" все было мало и он докладывал Унгерну в открытой палатк: „Ваше пр-во, чего с этими офицерами-пастухами возиться будем... Скотишка мало осталось, а эту падаль надо кончить, ваше пр-во!". „Так ты тогда сними с них сапоги, отбери всѣ офицерскія вещи и когда дивизія выйдет, кончи их.. Ну, иди!" слышался спокойный голос барона „Слушаю ваше пр-во!" прохрипѣл Бурдуковскій и с самодовольной рожей вышел из бароновской палатки. Комендант дивизіи есаул М. тихонько отошел от палатки и в раздумьи пошел по лагерю. Было ясно, что участь несчастных 28 офицеров пастухов была рѣшена. Бурдуковскій со своими палачами свяжет, задушит или зарубит их. М. пошел в конец лагеря, гдѣ размѣстились офицеры пастухи. С них уже Бурдуковскій снимал сапоги и лица у офицеров были сѣрыя. Они понимали, что это значит. Как подстегнутый есаул бросился к командиру 4-го полка войсковому старшинѣ Маркову и только хотѣл с ним поговорить о том, что он слышал, как в командирскую палатку принесли офицерскіе сапоги и вещи. М. молчал. Марков вызвал вахмистров и приказал им раздать по сотням вещи. Тѣ забрали и ушли, но через полчаса вернулись и доложили: „г-н полковник, всадники отказались брать офицерскія вещи. Говорят, что с убитаго краснаго они возьмут, но со своего

офицера никогда... И разговоры идут очень плохіе". „Слушай иди и доложи об этом барону. Быть может он опомнится", сказал есаул Маркову. Но тот наотрѣз отказался и М. пошел к начальнику пулеметных команд подполковнику Евфаритскому, а по дорогѣ снова заглянул на обреченных офицеров. Картина была потрясающая. Всѣ они были босы, в однѣх рубашках, порваных штанах, сидѣли кружком, молча и мрачно рѣзали сырую коровью кожу на четырехугольники, углы которых связывали кожанными полосками. Они шили себѣ онучи, надѣясь что, быть может, еще какое нибудь чудо спасет их от неминуемой смерти и они переход останутся живыми. Кошмар непередаваемый, картина полная тоски. „Слушай, Евфаритскій, больше терпѣть нельзя!" заикаясь говорил М. „Надо кончать с произволом барона, иначе он нас всѣх передушит..." И есаул разсказал, что он видѣл. Евфаритскій созвал секретное совѣщаніе, на которое пришли поручик В. Виноградов, д-р Рябухин, войсковой старшина Львов, поручик Озеров, шт. - ротмистр Частухин и др. Рѣшили сдѣлать переворот, арестовать барона и выгнать его из дивизіи, командованіе передать генералу Рѣзухину и двигаться на соединеніе с войсками атамана Семенова, на Восток. Во главѣ заговора встал Евфаритскій популярный и уважаемый в дивизіи офицер. В эти дни генерал Рѣзухин стоял с бригадой в 20 верстах, так как крупно поссорился с Унгерном и шел отдѣльно. Заговорщики уже знали, что 3 и 4 сотни собирались бѣжать самостоятельно на восток, а потому их предупредили, а так как вся развѣдка была в руках

у есаула М., то скрыть на день или на два заговор можно было безопасно. Опасаться нужно было лишь монгольскаго полка, который считал барона Унгерна своим „Богом Войны,“ да бурятскаго дивизіона. А потому, чтобы гарантировать себя от монгол, было рѣшено, что на другой день послѣ совѣта, поручик Виноградов в двѣнадцать часов ночи откроет огонь из орудій по монгольскому расположенію. Монголы, конечно, бросятся в бѣгство, а чтобы прервать связь Унгерна с Рѣзухиным, то от вѣрных сотен было выставлено сторожевое охраненіе. Так и было сдѣлано. Барон не получал от Рѣзухина донесеній, а Рѣзухин от барона и такое положеніе продолжалось сутки. В это время Евфаритскій спѣшно заканчивал подготовку к перевороту, как вдруг со стороны рѣзухинской бригады прискакал казак и передал на заставѣ, что генерал Рѣзухин и нѣсколько его офицеров убиты.

В рѣзухинской бригадѣ был сдѣлан переворот и один из популярных и любимых вождей Азіатской дивизіи, боевой генерал, вѣрный для всѣх унгерновцев боевой товарищ и всегдашній заступник перед бароном, был застрѣлен нѣсколькими офицерами.

Заговорщики растерялись; это спутало всѣ их планы.

XXIX

УБІЙСТВО ГЕНЕРАЛА РѢЗУХИНА.

Бригада генерала Рѣзухина шла от Унгерна отдѣльно, в двадцати верстах позади, что прои-

зошло послѣ крупнаго разговора, закончившагося полуразрывом. Но о чем говорили бригадный и начальник дивизіи никто не знал и лишь дѣлали предположенія, что Рѣзухин не выдержал звѣрской психопатіи Унгерна и встал на защиту офицеров. Факт же был на-лицо — дивизія шла двумя колонами, при чем на таком разстояніи, чтобы в случаѣ нажима со стороны красных, дѣйствовать сообща.

Когда генерал Рѣзухин брал себѣ бригаду, Унгерн предложил ему любые полки и он выбрал полки — Татарскій-Парыгина и 2-ой Хоботова. Парыгин и Хоботов были произведены бароном в полковники из младших обер-офицерских чинов. В боевом отношеніи они были хороши, но как командиры полков совершенно не отвѣчали своему назначенію. Да барон и не требовал этого, так как в походах и боях лично управлял не только полками, но и сотнями. Унгерновцев не удивляла рѣзкая метамарфоза, когда в командиры полков Унгерном назначались его ординарцы. Всѣ они были лишь полковые представители, но не полковые командиры в прямом и лучшем смыслѣ этого слова. Но выдвиженіе Парыгина и Хоботова на высшія командныя должности и производство их в полковники прошло по особому ходатайству бригаданаго командира, что, впослѣдствіи, этими начальниками было забыто.

Генерал Рѣзухин, как мы уже говорили, пользовался огромной популярностью среди унгерновцев, непререкаемым военным авторитетом и, главное, любовью, которая у нижних чинов, да и у многих офицеров доходила до институтскаго обо-

жанія.

Итак Рѣзухин шел позади и во время послѣдней остановки расположился лагерем в двадцати верстах от Уйгерна. В штабѣ у него находился штабс-капитан Безродный, догнавшій дивизію послѣ своего жуткаго преступленія, когда он вырѣзал все русское населеніе от Урги до Улясутая. Настроеніе в бригадѣ также было подавленное. Поход на Верхнеудинск не удался, кольцо красных сжималось, в продуктах уже был недостаток, шелковые тарлыки превратились в лохмотья, приближалась зима и идти в невѣдомый Урянхайскій край, гдѣ около озера Косогол поджидали унгерновцев крупныя совѣтскія части, многим не улыбалось. Настроеніе большинства было — повернуть назад на восток к атаману Семенову, который являлся спасительным маяком, несмотря на то, что о нем не поступало никаких вѣстей.

Это настроеніе особенно господствовало среди офицерскаго состава, который барон методически убивал и запарывал. И в рѣзухинской бригадѣ всплыл офицерскій заговор, во главѣ котораго был Хоботов, войсковой старшина Слюс, полковник Кастерин и др. В заговор был посвящен и Парыгин, но нѣкоторыя детали переворота ему переданы не были, так как этот командир полка считался большим и личным другом генерала Рѣзухина, а потому мог, по пріятельскому чувству и долгу боевого товарища, предупредить послѣдняго. Этого, конечно, не могло случиться, так как Парыгин не принадлежал к категоріи офицеров рыцарей и собственную шкуру и честолюбіе ставил выше дружбы и товарищескаго долга, и да-

же намеком не предупредил Рѣзухина — друга и командира о грозящей ему опасности. Он поступил также как с пріятелем Архиповым о казни котораго знал заранѣе. Парыгин умыл руки и стал ждать, сам в активное число заговорщиков не вступая. Наконец заговор созрѣл и был приведен в исполненіе.

В палатку генерала Рѣзухина ввалилась толпа предателей офицеров во главѣ с Хоботовым, Слюсом, Кастериным и др. Они рѣзко заявили, что бригада дальше не пойдет, а возвращается на Восток и ему предлагают присоединиться к общему рѣшенію и вести бригаду.

Генерал Рѣзухин спокойно выслушал истеричные выкрики и потом хладнокровно отвѣтил, что на это он не согласен, что он считает позором бросать даже Унгерна в нынѣшней обстановкѣ-когда враг все болѣе и болѣе сжимает кольцо и когда всѣм нужно напречь силы, чтобы пробиться и выйти, хотя бы и в Урянхайскій край... Бросить же боевого товарища, первую бригаду, он считает не честным и отказывается от предложенія... Генерал добавил о том, что прекрасно понимает нынѣшнюю обстановку и общее настроеніе, болѣет за всѣх душою, но измѣнить воинскому долгу, чувству святого товарищества не может.

Так отвѣтил Рѣзухин и получил за это пулю в грудь. Момент был жуткій. Генерал покачнулся, но гордо встал, прижал руку к прострѣленному мѣсту, выбѣжал из палатки и заскочил в палатку к младшим офицерам, вѣря, что там найдет спасеніе. Он глубоко ошибся и когда пошел к этим офицерам, прапорщик оренбуржец выхватил

из кабуры револьвер и нѣсколькими выстрѣлами в упор убил боевого и любимаго всѣми генерала.

Бригада „перевернулась,“ как говорили казаки. Начались убійства негодных и слѣдующаго послѣ генерала Рѣзухина застрѣлили штабс-капитана Безродных. Труп его выбросили в рѣчку. Командованіе бригадой принял Хоботов и немедленно приказал собрать всѣ ташуры, которые под громкое „ура!“ сжег, как наслѣдіе Унгерна. Потом он вызвал Парыгина и предложил ему подчиниться, на что послѣдній поспѣшно согласился.

Взбунтовавшаяся бригада выступила на восток, но не прошло и нѣсколько дней, как среди ея командного состава начались интриги за власть и два полка разсыпались по тайгѣ и степям. Часть из них была перебита красными, часть сама перешла к послѣдним, а остальные, группами в пять, десять и двадцать человѣк, сумѣли выйти на станцію Манчьжурія и на Хайлар.

Позднѣе нѣкоторые добрались до Гродеково, а остальные осѣли в полосѣ Отчужденія. Так закончила свою эпопею половина Азіатской конной дивизіи.

XXУ

МЕСТЬ ЗА ПОРУГАННУЮ ЧЕСТЬ.

В гористой мѣстности, у холоднаго ручья, на широкой зеленой долинѣ доживала послѣдніе часы знаменитая Азіатская конная дивизія барона Унгерна. Многое она пережила и переиспытала,

но чаша ея изумительнаго по долготѣ терпѣнія, наконец переполнилась и возмущеніе, страх, гнѣв и боязнь широкой волной вылилось из нея и она покончив с Унгерном, покончила и с собой. Убійства и самоубійство слилось в одно цѣлое и нераздѣльное.

Послѣ обстрѣла из орудія Монгольскаго полка, заговорщики рѣшили идти в составѣ Евфаритскаго, есаула М. и еще нѣскольких офицеров к Унгерну и потребовать от него ухода из дивизіи, а в случаѣ бароновскаго несогласія, застрѣлить его. И послѣ убить Бурдуковскаго, штаб-ротмистра Бѣлова, Перлина и бароновскаго ординарца Бушмакина и тѣм самым очистить дивизію от унгерновскаго кошмара.

Переворот был назначен на 17 іюля 1921 г., но утром Евфаритскій передал есаулу М. что выполненіе заговора отсрачивается, так как близко красные. М. повѣрил, ушел к себѣ в палатку и погрузился в тревожную дрему от которой его разбудили два орудійных выстрѣла и рѣдкая ружейная стрѣльба. Есаул выскочил из палатки, сѣл на лошадь и поѣхал по лагерю. „Майхана,“ согласно плану заговорщиков, во всей дивизіи уже были сняты и люди готовы к походу. Но никто не знал, почему стрѣльба и предполагали, что выстрѣлы были направлены по появившейся гдѣ нибудь группѣ красных. Весь унгерновскій лагерь, по невѣдомому приказанію, снялся и направился на восток. Навстрѣчу М. быстро ѣхал Евфаритскій с револьвером за поясом. „В чем дѣло?“ — бросился к нему М. „Да, вот, переворот устроили,“ „А гдѣ барон?“ „Черт его знает гдѣ! Подош-

ли мы к его палаткѣ и открыли огонь, да в темнотѣ ошиблись и обстрѣляли майхан вѣсточей. Барон выскочил и орет: „Вы чего тут сволочи дѣлаете? Что за стрѣльба?..“ Ну, кто то из наших не выдержал и выстрѣлил по нему... А барон сразу же бросился в чащу и исчез... Ранен он или просто гдѣ-нибудь скрывается, ни черта неизвѣстно...“ разсказывал возбужденный Езфаритскій. „Ну а кто же принял командованіе?“ „Да пока никто,“ отвѣчал главарь заговора. „Маркову нужно принять. Он командир полка.“ Поѣхали к Маркову, который с полком тянулся в одной дивизіонной колонѣ. Марков сначала наотрѣз отказался принять командованіе, но когда ему заговорщики разсказали картину бѣгства барона и намекнули на его арест, он согласился.

В это время к группѣ офицеров подъѣхал д-р Рябухин, которому было предложено убить Бурдуковскаго. Доктор изъявил на это горячее желаніе, стрѣлой поскакал к Бурдуковскому... любезно поговорил с ним и отъѣхал в сторону. У доктора не хватило духа.

Дивизія же продолжала двигаться не зная куда и зачѣм, но чувствовалось всѣми что то большое, а потому люди ѣхали молча и мрачно. Дивизія переживала жуткій момент.

Есаул М. подъѣхал к Бурдуковскому и спросил его: „Куда мы идем?“ „Не могу знать. Всѣ ѣдут и я тоже,“ растерянно отвѣтил тот. «А гдѣ начальник дивизіи?» „Я тоже не знаю. Я вот с быками ѣду,“ объяснял разводя руками забайкальскій „квазимодо.“

Дивизія вышла на открытое мѣсто, гдѣ не

было ни одного дерева и которое молодая луна смутно освѣщала потоком своих слабых лучей. Колона остановилась. Полки оказались в головѣ и в хвостѣ, посрединѣ обоз, артиллерія и пулеметныя команды. Часть Монгольскаго полка с Ачаировым также оказалась в дивизіонной колонѣ. Остальные же монголы бѣжали. Сумрачен был командир батареи Дмитріев — офицер из солдат, малограмотный и бароновскій наушник. Человѣк из-за котораго погибло не мало людей. Он смотрѣл волком, но молчал и ѣхал со всѣми.

Прошло полчаса. Дивизія стояла и не знала кто ею командует и что будет дальше. Переворотныя 3 и 4 сотни вышли на бугор и там разсыпались цѣпочкой, как бы заняв позицію против красных и...против барона Унгерна.

Заговорщики, пока, рѣшили произвести чистку. Они группой пріѣхали в красную сотню, которой командовал штабс-капитан Бѣлов, арестовали его и Перлина, связали им руки и бросили в одну из арб. Сотню шт.-капитана Бѣлова принял доблестный и примѣрный офицер хорунжій Псіол, который был в этой сотнѣ на должности младшаго офицера. Нужно было покончить с главными палачами — Бурдуковским и Бушмакиным, которых рѣшили поручить пулеметчикам с военным чиновником амурцем Павлом Федоровым. Послѣднему приказалл, что как только к пулеметчикам подойдет Бурдуковскій — „Руби!"

Пулеметчики вышли на бугор и остановились там, напоминая своим смутным очертаніем группу начальников, осматривающих позицію. В это время есаул М, крикнул по колонѣ: „Бурдуковскій!"

„Я“ отвѣтил послѣдній и подошел к есаулу. «Иди, тебя зовет начальник штаба». «А гдѣ он?» спросил „квазимодо.“ „Да, вон видишь на бугрѣ стоит.“ «Ну так я сейчас на конѣ...» „Да не надо коня. Иди скорѣе так,“ рѣшительно говорил ему М. Бурдуковскій, спѣша и задыхаясь, побѣжал на бугор. М. ѣхал позади его держа на готовѣ револьвер. Бурдуковскій подбѣжал к пулеметчикам и увидѣв, как блеснул над его головой клинок Федорова, крикнул: «Меня то!» и повалился на [illegible]. Федоров снес пол черепа унгерновскому палачу. Очередь оставалась за Бушмакиным. Есаул М. поѣхал разыскивать его и нашел этого второго палача в обозѣ, при бароновских вещах. „Бушмакин!“ крикнул ему М. «Ну чего там», отвѣтил тот и лѣниво подошел к М. держа руку на рукояткѣ маузера. „Бушмакин, ты арестован,“ рѣзко сказал ему есаул. „Меня только „дѣдушка“ может арестовать,“ запальчиво бросил тот и стал вытягивать из кабуры револьвер.

Видя это есаул ударил его по рукѣ, вырвал маузер и яростно крикнул: „Иди, сволочь кровавая!“ и выхватив клинок снес ему череп. Есаул был взбудоражен, с ненавистью смотрѣл как лилась кровь из головы убитаго и вытирал о траву шашку... Вдруг весь лагерь вздрогнул и замер.

Зычный бароновскій голос потряс тишину лѣтней ночи: „Бурдуковскій, Ачаиров, Марков!!!“ гремѣло по лощинѣ и гулким эхом отдавалось в в горах. И жуткій страх овладѣл всей дивизіей и самые храбрые из бойцов задрожали и растерялись. Нѣкоторые, во главѣ с начальником штаба полковником Островским, залѣзли под телѣги,

многіе уткнулись лицом в траву и гробовая тишина наступила в предгорной долинѣ, и даже лошади перестали фыркать и заострили свои уши.

Барон вихрем промчался на лошади и его громкій голос продолжал бить в барабанныя перепонки перепуганных людей... Есаул М. также растерялся, с трудом поймал лошадь и тихо поѣхал разыскивать Евфаритскаго. Он подъѣхал к пулеметной командѣ... Барон же продолжал скакать вдоль колоны и кричать: „Бурдуковскій! Бурдуковскій!“ пока в отвѣт не прорѣзал ночную тишину ироническій голос: «Бурдуковскій пошел к начальнику штаба!»

Люди постепенно приходили в себя и когда Унгерн кричал: „Сволочи, куда идете? Что дѣлать будете на востокѣ?...“ в колонѣ уже кое-кто невнятно бормотал ругательства. А барон все еще кричал: „Бурдуковскій, Ачаиров, Макаров!!!“

Он ѣздил вдоль колоны, пока не наткнулся на командира батареи Дмитріева. „А и ты тоже!“ заорал он. „Старый дурак, куда поѣхал?...“ „Не могу знать, ваше пр-во... Всѣ идут и я тоже,“ растерянно прохрипѣл Дмитріев. „Поворачивай обратно, старый черт,“ приказал ему барон и поскакал к полку. „Садись!“ подал команду артиллеристам Дмитріев. Батарея начала заворачивать.

Есаул М. подскачил к нему: „Не смѣть! Оставаться на мѣстѣ!“ крикнул он. „Мнѣ начальник дивизіи приказал,“ угрюмо прохрипѣл Дмитріев и продолжал отдавать приказанія. „Оставаться на мѣстѣ, я вам приказываю! Я начальник дивизіи!“ рѣзко бросил ему М., и видя, что батарея уже уходит, приказал пулеметчикам навести на

нее пулемет. „Ленту заложить, г-н есаул?“ спокойно спросил урядник. „Заложи, и если батарея не займет стараго мѣста в колонѣ, открывай огонь!“ „Слушаюсь!“ сказал пулеметчик, вложил ленту и навел пулемет на батарею. Артиллеристы остановились и соскачили с лошадей.

Есаул М. поѣхал разыскивать офицеров и в этот момент перед ним выросла конная фигура барона Унгерна. Луна вышла из облаков и на мгновеніе освѣтила его лицо. Оно было страшно. Безумные глаза свѣтились, блестѣли, один ус был опущен вниз, другой поднялся вверх... Барон сидѣл в сѣдлѣ без подушки; лошадь его била копытом землю. Есаул М. осадил коня, а барон уже кричал: „А ты что здѣсь дѣлаешь, слѣпая курица? Ташура захотѣл?“ „Ваше пр-во,“ забормотал тот в отвѣт, потом приподнялся на сѣдлѣ, выхватил револьвер, направил его на Унгерна и спустил курок.

Осѣчка! Барон увидѣл это. Он моментально поднял на дыбы кобылу, повернул ее на задних ногах и скакнул в темноту. Вслѣд ему загремѣл есаульскій выстрѣл... Потом другой, третій, четвертый, пятый... Барон Унгерн уже скрылся, а по нему защелкали ружейные выстрѣлы и нѣсколько раз стукнул пулемет.

Барон Унгерн исчез в темнотѣ ночи.

XXVI

КОНЕЦ БАРОНА УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГА.

Там, гдѣ совершался послѣдній акт трагедіи Азіатской конной дивизіи, была гористая пересѣ-

ченная мѣстность, гдѣ лѣсныя рощи смѣнялись небольшими лугами, гдѣ журчали горные ручьи и были овраги, заросшие густым кустарником.

В началѣ бунта дивизіи, как уже сказано, одно из орудій заговорщиков обстрѣляло монгольскій полк и большая часть монгол метнулась в ночную мглу и исчезла в складках мѣстности. Барон Унгерн, преслѣдуемый пулями своих подчиненных, ускакал в том же направленіи, куда бѣжали монголы. Гордый, властный человѣк, вѣроятно переживал душевную бурю... Его предали. Его дивизія открыла по нему, ея начальнику, огонь. Его подчиненные выгнали его, как ненужную и опасную собаку, как бѣшеннаго волка... Его жестоко боровшагося с красными, оставили одного в красном кольцѣ, под угрозой винтовок своих и мучительной смерти от совѣтских... Барон Унгерн метался на этом роковом монгольском участкѣ, как дикій затравленный звѣрь... Его знаменитая сѣрая кобыла „Машка" пулей перелетала овраги, врѣзалась в лѣсную чащу, вихрем неслась по лощинам и пѣна клочьями летѣла с ея боков.

Барон метался до разсвѣта. И когда первые солнечные лучи брызнули на землю, он замѣтил на одной из опушек лѣса большую конную группу. Были ли это свои, чужіе ли, — он не знал, но доведенный душевным состояніем до полнаго безразличія, чередующагося с припадками безсильнаго бѣшенства, он помчался на опушку... Там были убѣжавшие монголы. Их степные глаза, не уступающие по зоркости кабаргѣ или степному орлу, быстро различили, что к ним скачет гроза и

смерть азіатских всадников — сам барон. Монголы замѣтались, загорготали на своем диком нарѣчіи, в паникѣ схватились за винтовки и открыли по приближавшемуся Унгерну безпорядочную стрѣльбу. Пули тоскливо выли около него, рвали землю, но барон не обращал на это вниманія и бѣшенным наметом приближался к монголам. Монгол обуял страх. Монгольская легенда, что барона Унгерна не берут пули, что он — „БОГ ВОЙНЫ," бросилась в их первобытный мозг и картина рѣзко измѣнилась. Монголы соскачили с лошадей, пали наземлю и утренній разсвѣт огласился их жалобными мольбами: — Простить и помиловать их, поднявших руку на „бога войны."

Барон остановил лошадь, медленно слѣз с нея, пристально и долго смотрѣл на лежащих и стоящих на колѣнях монгол и рѣзко бросил им: „Дикія собаки, я прощаю вас, но горе вам будет, если вы не исправитесь!"

Монголы в страхѣ забормотали клятву, бились лбами о землю, но Унгерн круто повернулся, отошел в сторону, сѣл на кочку и приказал позвать к нему старшаго из монгол. И когда тот, подобострастно кланяясь, приблизился, барон прикасал принести ему воды и „майгало" — монгольскую водку. Он осушил цѣлый жбан воды, выпил „майгало" и приказал поставить себѣ „майхан — палатку. Отдав приказаніе о том, чтобы всѣ отдыхали, барон вошел в палатку, бросился на кошму и уснул мертвым сном.

Это был его послѣдній сон среди своих азіатских всадников. Монголы учли момент, учли то, что барон принесет им в дальнѣйшем гибель и

начали совѣт. Группа старших монгол, сидя на корточках под громадным дубом, шепотом рѣшала как спастись. Убить Унгерна нельзя — он „Бог войны" и смерть его не берет, но освободиться от него нужно. Монголы выработали план... К палаткѣ барона змѣйками поползло нѣсколько самых отважных храбрецов, безшумно вползли в палатку, накинули на голову Унгерна „тарлык" (монгольская верхняя одежда), в одно мгновеніе скрутили ему веревками руки и ноги и, отдавая поверженному „богу" поклоны, безшумно исчезли.

Монгольская конница сѣла на коней и умчалясь в сторону Монголіи.

Барон лежал без движенія, он временами впадал в тяжкое забытье и снова жуткая дѣйствительность вползала змѣей-мѣдянкой в его голову.

Шумѣл лѣс, весело пѣли птички, стрекотали кузнечики и большой черный жук с любопытством ползал по Унгерну, недоумѣвая, что это за колышащаяся гора.

Солнце перевалило за полдень и издалека послышались звончатые звуки копыт... Кто это? Свои враги или чужіе враги? Это был красный разъѣзд 5-ой краснознаменной совѣтской арміи. Разъѣзд осторожно подъѣхал к палаткѣ, три человѣка спѣшились и с винтовками на изготовку открыли полу палатки. Внутри ея лежал связанный человѣк, голова котораго была закутана старым монгольским тарлыком. Красные вошли, сорвали тарлык и отшатнулись...

На них смотрѣло помятое красное лицо с рыжими усами и небритым подбородком. Взгляд человѣка был темный, как жуткая ночь и страшен,

как взор помѣшаннаго. На плечах видѣлись старые помятые генеральскіе погоны, а на груди поблескивал бѣлый георгіевскій крестик. „Эй, тарарищ, ты кто?“ крикнул ему старшій разъѣзда. „Я начальник Азіатской конной дувизіи генерал лейтенант барон Унгерн-Штернберг,“ громко и отчетливо отвѣтил связанный человѣк.

Красные обалдѣли. Им привалило неслыханное счастье. Разъѣзд заволновался, памятуя слова совѣтскаго приказа: „В случаѣ взятія в плѣн начальника Азіатской конной дивизіи барона Унгерна надлежит обращаться с ним бережно, охранять его как драгоцѣнную вещь и немедленно доставить в штаб арміи.“

Красные развязали Унгерна, обыскали его, но у него, как всегда, ничего не было, — ни оружія, ни денег, ни документов. Барон встал, шумно вздохнул, потянулся, пристально посмотрѣл на красных и пошел к лошади. Красные смотрѣли на него с ужасом и с каким то проникнутым уваженіем. Они окружили его и медленно двинулись, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, в сторону озера Косогол. А на пятой верстѣ разъѣзд переходил быструю рѣчку и барон, умышленно или нечаянно, сорвался с лошади и упал в глубокій водный поток. Красные с трудом выловили его из воды и доставили в штаб красной арміи. Всѣ они были строго наказаны за то, что плохо охраняли и берегли плѣннаго барона Унгерна, едва не утонувшаго в горной рѣчкѣ.

XXVII

ПОСЛѢДНІЙ УДАР ПО КРАСНЫМ.

Итак, первая бригада Азіатской конной дивизіи со своим начальником бароном Унгерном разделалась. Под свист пуль он бѣжал в лѣсную чащу, а три офицера „пастуха" бросились за ним в преслѣдованіе... и не вернулись. Их судьба неизвѣстна до сих пор.

В первые моменты, послѣ изгнанія барона, фактически бригадой управлял есаул М. Он немедленно же назначил командиром 4-го полка, вмѣсто бѣжавшаго войскового старшины Маркова, ротмистра Забіякина и командиром одной из батарей боевого офицера капитана О., перемѣнил командный состав в полках и остановился на вопросѣ, кто же займет мѣсто барона Унгерна. Вопрос был чрезвычайно сложный и опасный.

Дивизія громко разговаривала, вспоминая детали промелькнувшаго, как в сказкѣ событія, и среди возбужденных голосов особенной заливчатой трелью слышался говорок доктора Рябухина, восклицавшаго: „Ну, если бы я увидѣл его, — от моей пули он не ушел бы..." А у самаго весь тарлык был в травѣ и грязи. Доктор, кажется, отсиживался под арбой, как и многіе другіе. М. ѣздил по лагерю и кричал: „Гдѣ начальник штаба?!" «Я здѣсь!» наконец послышался голос полковника Островскаго и его голова испуганно показалась из под телѣги.

„Г-н полковник, барон Унгерн бѣжал. Марков, Львов и другіе скрылись, подполковник Евфарит-

скій также бѣжал, а потому принимайте бригаду. Вы старшій...". Островскій еще болѣе испугался, занервничал и стал отказываться: „Я не знаю могу ли... Да и как я приму?... говорил он. „Да так принимайте и больше никаких. Вы начальник штаба." Островскій нехотя согласился, но спросил: „Что же я должен дѣлать?" „Вести бригаду на Восток, а если догоним рѣзухинскую, то ее расхлестать за убійство генерала Рѣзухина," был рѣзкій отвѣт.

Через полчаса унгерновцы двинулись на Восток и послѣ маленькой остановки продолжали свой быстрый восточный отход, пока не подошли к рѣкѣ Селенгѣ. Шли с мѣрами охраненія и когда стали подходить к рѣкѣ, в арьергардѣ уже послышалась стрѣлба. Унгерновцев настигали красные. Рѣка была непроходима, брода не было и это осложняло обстановку. Экстренно был созван совѣт, на котором было рѣшено по дну переправить орудія, стоя на лошадях и держа носилки в руках — раненых, обоз и все лишнее. Оставить всѣ двадцать пулеметов, бойцов, занять высоты и ждать красных, памятуя, что если им сейчас не дать отпор, их преслѣдованіе будет безконечно. Так и было сдѣлано. Мѣстность представляла полукольцовую горную расщелину, поднимавшуюся лугом к перевалу и круто спускавшуюся оттуда к рѣкѣ. Сотни заняли позиціи, на особых мѣстах установили пулеметы и стали ждать свистка — приказа: огонь всѣми! Стали ждать.

Солнце ясно освѣщало лощину и темнѣвшую вдали опушку лѣса из которой тянулась змѣею дорога. Вот показался наш арьергард, прошли

послѣдніе дозоры и снова стало тихо и мертво. Прошло полчаса, час. На опушку лѣса выскочил всадник, метнулся шагов на десять кругом, зорко оглядѣлся и пулей умчался в лѣс. Минут через десять из опушки выкатился и весь головной разъѣзд. Долго стоял он на лѣсной окраинѣ, потом отправил в тыл одного всадника, а сам медленно двинулся в глубь лощины, к перевалу. За ним из лѣса вытянулась конная группа, которая также медленно и осторожно, уступами, стала подвигаться по горной долинѣ. И скоро из лѣсной опушки показалась безконечная колона пѣхоты. Весь отряд краснаго штабс-капитана Щетинкина вполз в лощину и поднимался на перевал. Красные видѣли отдѣльную группу унгерновскаго штаба, но их глаза не различали притаившихся за скалами и сѣрыми камнями остальных унгерновцев, не видали закрытые травой смертоносные дула пулеметов... Конные красные махали шапками, фуражками и шашками унгерновской группѣ, послѣдняя оживленно отмахивалась, а есаул М. ожесточенно крутил над головою свой красной штабной башлык. Красные недоумѣвали: в чем дѣло? Сдаются или идут на переговоры? Наконец, их конники не выдержали, из их группы выскакало нѣсколько человѣк, промчались сажень пятьдесят, вздыбили лошадей и закричали: „Товарищи комиссары, вперед на переговоры!“

И в отвѣт на это, с горы из унгерновской группы, раздался острый и длинный свисток... и затарахтѣли свинцовым разговором унгерновскіе пулеметы и винтовки. Начался не бой, а разстрѣл бѣлыми красных. Отдѣльных звуков слышно не

было, — все слилось в один сплошной и мощный гул — стрекот, а в лощинѣ уже начался ад. Вздымались на дыбы лошади и падали, кричали люди и тоже падали, все смѣшалось в одну массу, в один живой мечущійся клубок; кони с храпом носились по зеленой лощинѣ, а отдѣльные люди бѣжали, падали, вставали, оставались на мѣстѣ и ползли к опушкѣ лѣса... А лѣсная чаща уже стонала и похрустывала от ломаемых пулями вѣток и жалостно трепетали листьями деревья.

Отряд Щетинкина был уничтожен почти полностью. Из отряда опаслись лишь единицы. Разгром красных был закончен в десять минут и полукольцовое горное ущелье огласилось ликующим „ура!" унгерновцев. Через час бригада спокойно переправилась вплавь через рѣку и на противоположном берегу устроилась на продолжительный отдых.

XXVIII

НА ВОСТОК.

Послѣ жестокаго разгрома большевитскаго отряда Щетинкина под рѣкой Селенгой, унгерновская бригада перешла через рѣку и остановилась на отдых на нѣсколько дней. Стоял жаркій и обильный жизнью природы іюль мѣсяц, душистыя травы дополняли воздух своим безконечным ароматом, рѣка была чистая, свѣтлая, вода в ней была холодная и унгерновцы отдыхали душой и тѣлом. От вѣчнаго страха передъ Унгерном, отъ его ташура, отъ мыслей о растрѣлѣ, о разгром-

ленных на голову красных и жили думами о Востокѣ и о том, что впереди ждет отдых и короткій мирный перерыв. Пѣсни, смѣх и веселый разговор нарушали круглые дни селенгинскую окрестность, набирались силами всадники и лошади и думки о том, что произошло и как избавились от жестокого барона уже уплывали в дымкѣ других походных интересов.

Командованіе бригадой принял начальник штаба барона Унгерна полковник Островскій, человѣк вялый, малорѣшительный и далекій от иниціативы. Он принял бригаду по старшинству, так как военная субординація еще крѣпко жила в офицерских мозгах. Впослѣдствіи этот полковник перешел на службу к красным, но вряд ли они, в его лицѣ, пріобрѣли цѣнную личность.

Отдых закончился и бригада в стройном порядкѣ выступила на Восток. А с выступленіем начались непорядки. Унгерновцы, привыкшіе к тяжелому ташуру барона и к мысли, что за всякій безпорядок, за нарушенія воинской дисциплины, он без особых разговоров, повѣсит на первой осинѣ, рѣшили распоясаться, тѣм болѣе новый начальник авторитетом и уваженіем не пользовался. По пути, тут и там, маячили монгольскія юрты, ходил скот и болѣе ретивые пытались „грабануть.“ Монголы хорошо не учитывающіе кто идет красные или бѣлые, грабители или настоящіе солдаты, при приближеніи колоны бросали свои юрты и спасались бѣгством. Этим начали пользоваться отдѣльные всадники, а среди них первенствовали артиллеристы Дмитріева, который сам был не лишен желанія безплатно поѣсть ю,

чего не было в обозѣ. Положеніе становилось серьезным и бригаду ждал полный развал и дезорганизація. Полковник Островскій растерялся, но на выручку пришел есаул М. Он рѣшительно взял в руки эмблему бароновской власти ташур и начал дѣйствовать. Как только из колоны вылетала группа мародеров и мчалась к монгольской юртѣ, ее догонял есаул и жестокіе удары по головам и лицам сыпались на „молодцов." Нѣкоторые пытались протестовать, но ташур дѣлал свое дѣло и мородерство через нѣсколько дней прекратилось.

Шли унгерновцы в буквальном смыслѣ слова раздѣтыми. Шелковые тарлыки превратилось в однѣ лохмотья, ноги вылѣзли из ичиг, а іюльскія ночи в Монголіи были холодныя и пронизывающія. Остро чувствовалась и недостача в продуктах. Нужно было находить выход: или грабить монгол, или достать все необходимое другим путем. Положеніе спасали монгольскіе монастыри. Они попадались по дорогѣ и нѣкоторые из них были не только безмѣрно богаты, но и велики, как крѣпости. В монастырях-крѣпостях, окруженных высокими стѣнами, жило по пятьсот и по тысячѣ монгольских лам и этот монгольскій священный класс помог унгерновцам. Монахи плохо знали, что из себя представляют унгерновцы и наглухо затворялись в своих крѣпостцах, но когда спеціально командируемые офицеры с небольшим нарядом казаков пріѣзжали к ним и почтительно просили за деньги снабдить их бригаду одеждой и продуктами, ламы, удостовѣрившись, что это не красные и не степные бандиты, охотно шли навстрѣчу. Скоро бригада не только пріодѣ-

лась, но и частенько смаковала особое монгольское лакомство „урму" — молочную пѣнку, нѣсколько раз сложенную и высушенную на солнцѣ.

Так шли дни. Бригада шла по ночам, храня силы лошадей и постепенно продвигалась к завѣтному пункту, к Хайлару. Поход был тяжелый, степь казалась необъятной и лишь далекія горы немного освѣжали и немного украшвали общій унылый ландшафт.

В один из походных дней, на стоянкѣ, к полковнику Островскому пришел командир остатков Монгольскаго полка полковник Ачиров и доложил: „Хосподин полковника! Я хочу вас просить...тожно мы монголы куда пойдем к русским. Чиво мы там дѣлать будем... Уж вы лутче нас отпустите, может мы чиво и сдѣлаем с красными..."

Монголы уже не представляли боевой цѣнности, причины их просьбы были основательны и командир бригады разрѣшил им остаться. Монголы радовались, а когда к вечеру бригада сѣла на коней и стала вытягиваться в походную колону, по обѣ стороны ея стояли монголы и сердечно провожали боевых соратников. Нѣкоторые из монгол, в знак почтенія, становились на одно колѣно, другіе совершенно плашмя ложились на землю. Ачиров стоял вытянувшись в струнку и держал руку под козырек до тѣх пор, пока мимо него не прошла вся колона. Прощанье было грустное и ручеек печали еще долго оставался в душѣ унгерновцев. С монголами было пережито не мало.

Ночь в Монголіи наступает быстро, сразу. Все свѣтло и вдруг темное покрывало окутывает степь и всадник видит лишь смутный селует впе-

реди ѣдущаго. В ночной темнотѣ тихо. Лишь похрапывают лошади да издали, изрѣдка, раздается уныло-тоскливый вой степного волка и гдѣ-то далеко, спросонья, заблеет овца. Далекія звѣздочки холодным свѣтом блестят в опрокинутой черной небесной чашѣ, холодноватый вѣтерок зашевелит травой и обдаст людей; изрѣдка ночную тишь прорѣжит рѣзкій голос всадника, обиженнаго на свою споткнувшуюся лошадь: „Но, ты, зараза!"

Колона длинной змѣею ползет по степи и оживляют ее лишь рѣдкіе всадники, с громким звуком подков и тяжелыми лошадиными вздохами, подскакивающіе к головѣ колоны с донесеніем из разъѣздов и дозоров.

Тишина. В головѣ мелькают, как розсыпь бѣлаго песку, далекія воспоминанія о родных, о встрѣчных лицах; всадник изрѣдка клюет носом, подбодриться и снова его мозг работает в том направленіи, гдѣ была юность, маячило счастье и была радость. О будущем думать не хотѣлось. Оно было неизвѣстно и думы о нем отгонялись, как бродячія собаки, от богатаго стада теплых мыслей.

XXIX

ПРЕДАТЕЛЬСТВО БУТЯТ.

Тускло шли дни, в походах проходили ночи. Отсутствіе прежняго начальника барона Унгерна давало себя знать и, время от времени, дивизія проявляла себя в том, о чем не подумала бы при

Унгернѣ.

Волновались татары, которых было много и особенно злобно по отношенію к русским держали себя татары артиллеристы. Шли какіе то таинственные разговоры, назрѣвал заговор и скоро сотенные развѣдчики донесли, что во главѣ заговора стал командир татарской сотни прапорщик Валишин. Заговорщики рѣшили перебить русских офицеров и идти на Восток, болѣе свободно, подрузумѣвая под этим грабеж окрестнаго монгольскаго населенія.

Бунт назначен был на одну из послѣдних іюльских ночей, кажется в ночь на 28-е

Русскіе офицеры знали о заговорѣ и у командира бригады состоялось экстренное совѣщаніе.

На привалах были приняты особыя мѣры охраненія и русскіе ждали, когда выступят татары, но кровавой бойнѣ помѣшал случай. Не было бы счастья, да несчастье помогло! В ночь на ожидаемое возстаніе, часов около девяти вечера, с окружных сопок затрѣщали ружейные выстрѣлы и по унгерновцам посыпались свинцовые шмели. Красный монгольскій отряд произвел внезапный налет, но унгерновцы не растерялись, в одно мгновеніе были на лошадях и сотни, по собственному почину, бросились в контр—атаку. Красные монголы бѣжали, как зайцы, как перепуганные шакалы.

Прошло нѣсколько часов и послѣдняя развѣдывательная сотня вернулась из разъѣдов и донесла: монголы ускакали

Бригада осталась на дневку и так как на та-

тар и остальных произвело впечатлѣніе внезапное появленіе общаго врага, лишній раз подчеркнув, что только в плотной спайкѣ и единеніи унгерновцы успѣшно закончат тяжелый поход, командный состав рѣшил немедленно разрѣшить вопрос с татарами. Это сложное и опасное дѣло было поручено коменданту есаулу М. Он взял в руки ташур, заткнул за пояс на боевом взводѣ маузер и вызвал к себѣ в палатку прапорщика Валишина. Тот быстро пришел и чувствуя недоброе, был блѣден, а рука его, держащая под козырек, дрожала.

Есаул, демонстративно помахивая ташуром, рѣзко сказал: „Ну-с, прапорщик Валишин, время подошло и если у вас есть мужество, начинайте ваше черное дѣло. Начинайте стрѣлять и рубить русских офицеров". — „Никак нѣт, господин есаул! Это недоразумѣніе и вам неправильно донесли на меня и моих татар".

— „Тогда я вам скажу, что это очень правильно и, если бы не вчерашній красный налет, вы попытались бы сдѣлать то, что задумали. Я все знаю и знаю даже как распредѣлены роли, как то, что первый татарскій взвод должен был перебить офицеров забіякинскаго полка, второй...... Э, да что говорить, когда все извѣстно. Ну, начинайте прапорщик, а мы попробуем дать отвѣт. Начинайте!"

Валишин угрюмо молчал, а около палатки уже сгрудилась группа татар с нѣсколькими своими урядниками. Они тревожно прислушивались и о чем то шептались.

М. громко продолжал: „Стыд и позор! В та-

кое чрезвычайное время, когда, каждый должен думать одно: друг за друга, — вы идете на предательство. Позор и лучше вы собирайте сейчас же всѣх ваших предателей и убирайтесь от нас к чертовой матери! Сволочи нам не нужно, мы и одни дойдем, а вот как вы дойдете и как вас грабителей, встрѣтят на Востокѣ, — мы посмотрим... И крикнул: „Вахмистры и урядники татарской сотни ко мнѣ!"

Тѣ подошли, отдали честь и выстроились в одну шеренгу. «Честно и прямо вас спрошу: Почему вы хотѣли перебить русских офицеров? Какая вам от этого польза? Ну, ограбите вы мирных монгол, а потом что? Куда с награбленным пойдете?".

Татары заволновались и скоро официальный разговор перешел в дружественную форму. И татары устыдившись своих темных замыслов, чистосердечно разсказали, что их будировали дмитріевскіе артиллеристы, сыграли на их темных инстинктах, но теперь они каются и дают слово солдата, забыть о прежнем и дружно раздѣлить со всѣми общую участь.

Прапорщик Валишин от сердца попросил прощенія, есаул в отвѣт сказал горячую рѣчь о цѣли похода, пожал руку прапорщику и татарскій заговор растворился в чувствѣ дружбы и взаимопомощи. Но в дивизіи было не все благополучно. Вызывал на сомнѣніе командир бурятскаго дивизіона Галданов и его буряты. У них шла какая то тайная работа, а потому есаул М. подбодренный успѣшной ликвидаціей татарскаго заговора, вызвал к себѣ Галданова. И прямо задал

ему такой вопрос: „Правда, Галданов, буряты хотят бѣжать в свои хошуны" — „Никак нѣт, хосподин есаул! Циво так, мы буряты идем всѣ к атаману Семенову... И куда мы без него, потому народ мы темный, а гдѣ уж нам одним без него жить" горяче говорил бурят. Есаул повѣрил ему, но на всякій случай, два бурятских офицера были переведены в русскія сотни.

В ночь на второе августа бригада шагом рѣзала ночную темноту и было в ней тысяча всадников. Тревога за бурят и татар отпала и унгерновцы ѣхали спокойно, охраняясь лишь тыловым и головным дозорами. Бурятскій дивизіон шел в серединѣ колоны и была кругом мертвая тишина степной монгольской ночи, которая лишь изрѣдка нарушалась звоном копыта о камень и рѣдкими похрапѣваніем лошадей. И снова мерцали звѣзды, и снова люди думали не о настоящем, как вдруг ночную тишь прорѣзал рѣзкій и гортанный крик-команда: „Іяба...... Іяба" (За мной! — в вольном переводѣ с бурятскаго)" И стук сотен подков разрѣзал, как ножем, ночное спокойствіе и бурятскія сотни бѣшенным намѣтом исчезли в ночной непроглядной мглѣ. Ошеломленная дивизія, без команды остановились и замерла. Так прошло минуты три, четыре, пока не раздался окрик командира бригады: „Орудіе на позицію! Огонь по измѣнникам!» Вслѣд бѣжавшим ухнуло нѣсколько орудійных выстрѣлов, умчались снаряды в далекую степь, бросилась туда же дежурная сотня и снова все затихло. Дивизія спѣшилась и приготовилась к отпору, но никого не было и ничего в степи не было слышно.

Через полтара часа развѣдывательная сотня вернулась. Она не нашла бѣжавших бурят. Они сгинули в степи.

XXX

СУД НА ПОХОДѢ.

Послѣ измѣны бурят и их позорнаго бѣгства Азіатская дивизія, в которой теперь осталось 600 всадников, 21 пулемет, 5 орудій, много верблюдов и табун заводных лошадей, прошла переход и остановилась. От бѣжавших бурят в залогѣ осталось трое: один прапорщик и два урядника. Буряты посѣрѣли на лицо и дрожали, когда их привели к М. Они хорошо помнили безпощадный суд барона Унгерна и считали, что также, по бароновски, будет поступлено с ними.

Начался допрос, который лишній раз подтвердил, что заложники имѣли слишком большое отношеніе к измѣнѣ, в чем они, в концѣ концов, и сознались, потом бросились на колѣни и стали просить о пощадѣ.

Августовскій день был солнечен и жарок. Степь горѣла и дымилась на солнцѣ и в далеком маревѣ ея виднѣлись очертанія гор и четкой линіей на горизонтѣ вырисовывался длинный горный хребет.

Есаул говорил: „Вы, буряты, были для нас братьями. Между нами все дѣлилось пополам и не было в Азіатской дивизіи разницы между русскими, монголами, татарами и бурятами. Но вы, буряты, совершили подлую измѣну и вы, трое,

принимали в ней участіе. Что дѣлать с вами? Что вы заслужили по законам войны?"

Буряты валялись на землѣ и плакали. Есаул продолжал: „Ваше счастье, что грозная рука барона уже не может протянуться над вами. Ваше счастье, что мы идем к миру, а не на войну. Мы даруем вам жизнь, но без наказанія вы остаться не можете. Раздѣвайтесь!" грозно приказал он. Буряты завыли, как степныя собеки у трупа покойника. Они думали: «смерть», но раздѣлись до гола и выстроились в одну шеренгу. „Справа по одному, рысью к сопкам маррш!" рѣзко скомандовал офицер. И буряты понеслись. В бѣгствѣ они бросались из стороны в сторону, считая, что сейчас в затылок им вопьются злыя свиновыя пули. Они бѣжали и скоро стали точками в степи, а потом исчезли из поля зрѣнія. Когда они скрылись, дивизія забыла о них, как о чужих покойниках. Но буряты добрались до хошунов и прапорщик в 1925 г. был начальником совѣтскаго пропускного пункта на 86 разъѣздѣ.

Ночью Азіатская дивизія подходила к Калганскому тракту. Была темная ночь. Тракт таинственно и зловѣще говорил о многом. О том, что красные сторожат проход через него унгерновцев, и силы их справа и слѣва огромны. Головная сотная под командой ротмистра Исак, безушумно срѣзало на трактѣ телеграфные столбы и гулко процокали копытами унгерновскіе кони через окремнѣвшую дорожную полосу. Силуэты черных всадников потонули на восточной сторонѣ Калганской дороги и ни один выстрѣл не разбудил сновидѣній монгольской степи. Дивизія пошла форсиро-

ванным маршем и через два дня, когда придорожныя калганскія горы исчезли в синивѣ неба остановилась на трехсуточную дневку. Послѣдній вражескій Рубикон был пройден. Впереди были китайцы и смутное в представленіи монгольское лицо атамана Семенова — унгерновская надежда, вѣра и спасеніе.

На дневкѣ подкормились, подчинились, дали отдых лошадям и снова команда: «По коням!» И снова замаячила в монгольской степи змѣевидная колона всадников. Дивизія шла на Далай — нор, а по дорогѣ сдѣлала привал у быстрой, как зеркало, рѣчушки.

Невѣдомая Монголія! Влекущая купчиха, багачка гордая и таинственная! Сколько несмѣтных богатств скрывают твои недра, какія узоры возможностей заплетены в твоих необъятных степях, горах, рѣках и озерах. Чѣм порадуешь ты мір через полстолѣтіе, большим или меньшим, чѣм сейчас твоя миніатюрная рѣчушка унгерновских казаков?! А они стояли по берегам этой монгольской рѣчки с обнаженными шашками, страстно и пристально вглядывались в изумрудную глубину ея и рѣзкими взмахами клинков рѣзали водныя струи. Там гуляли и рѣзвились двух и трех аршинныя рыбины — ленки, щуки и мелочь хайріусы. Цѣлых два часа шла битва людей с увертливыми рыбами, а потом, как опалы и рубины, заблестѣли около рѣчушки казачьи костры. Казаки варили уху. Гостепріимная монгольская рѣчка оставила у себя в гостях унгерновцев на цѣлыя сутки и только на слѣдующую ночь дивизія вытянулась двухшереножной ниткой и напра-

вилась к озеру Далай-нор. К нему подошли на разсвѣтѣ. Завывал по степи вѣтер и пугливо прядали ушами лошади, когда в яростный вѣтреный порыв вмѣталось заунывное завываніе, а всадники завернули башлыками свои глаза и уши от песку и мелкаго камня пустыни. Чуть забрезжили на востокѣ первыя свѣтовыя полоски, дивизія подошла к озеру. Далай-нор бушевал. Гнѣвался и его свирѣпыя волны, как горы, наваливались одна на другую и с яростным шумом обрушивались на песчанный берег. Кружился в воздухѣ песок, желтыя облака его падали в озеро, но не могли насытить его гнѣв и он продолжал поднимать брызги и пѣну на своей водной поверхности.

Дивизія спѣшилась, разсѣдлалась, а когда взошло солнце, озеро смѣнило гнѣв на милость, улыбнулась невѣдомым пришельцам и успокоилось. Степной тайфун умчался дальше.

Здѣсь дневали сутки. На военном совѣтѣ было рѣшено на китайской землѣ оружія китайцам не сдавать. Если же силы китайцев будут большими и если будет невозможоо силою оружія пробиться на Восток к атаману Семенову, то только тогда пойти на уступки.

А уступки продать — оружіе и выговорить право свободнаго и безплатнаго проѣзда в Приморье. И здѣсь же было рѣшено вступить в командованіе остатками дивизіи войсковому старшинѣ Андрею Костромину. Он близко знаком с командующим китайскими войсками генералом Чжан—Ку—ю который был названный брат барона Унгена Штемберга. Андрей же Костромин

былъ у Чжана офицеромъ для связи отъ атамана Семенова.

XXXI

ПЕРЕГОВОРЫ С КИТАЙЦАМИ.

Азiатская конная дивизiя остановилась. Впереди, недалеко, уже вилась китайская граница, а по ней стояли китайскiя заставы. Унгерновцы рѣшили есаула М. отправить в Хайлар парламентером, к генералу Чжан—Ку—ю. Договориться с ним или о полном безпрепятственном пропускѣ в Приморье, к атаману Семенову, или о сдачѣ китайцам, по особой расцѣнкѣ, оружiя, лошадей, верблюдов и обоза и, в представленых китайцами эшалонах, по желѣзной дорогѣ проѣхать туда же. Порученiе было щекотливое и опасное. Истинной обстановки никто не знал, гдѣ русская бѣлая армiя — было неизвѣстно да и существовала ли она в дѣйствительности, никто об этом не вѣдал.

Есаул М. снял с себя вооруженiе, сѣл на лошадь и один скрылся в степях. Ѣхать было опасно, но задача была боевая и выполнить ее было нужно. Этого ждало шестьсот человѣк.

Есаул ѣхал перемѣнным аллюром и скоро выскочил на китайскую заставу, которая переполошилась и долго не могла успокоиться. И только, когда офицер показал, что у него нѣт оружiя и с трудом объяснил, что он от русскаго войска ѣдет на переговоры к Чжан—Ку—ю, на лицах китайцев показались довольныя улыбки и начальник заставы отправил сопровождать есаула двух

конных.

В вечерніе сумерки въѣхали в Хайлар. Заливисто брехали из подворотен собаки, рѣдкія тѣни прохожих бороздили улицы и унылыя фигуры полицейских еще болѣе оттѣняли тоскливый городской ланшафт. О М. доложили Чжан Ку—ю и через десять минут его ввели в губернаторскій кабинет.

Старик сухо принял парламентера и когда офицер объяснил ему, что унгерновцы направляются к атаману Семенову и в этом просят содѣйствія, Чжан-Ку-ю холодно сказал: «Сдайте все оружіе и тогда будем говорить о дальнѣйшем».

«Этого сдѣлать мы не можем. Мы воинская часть арміи атамана Семенова и должны прибыть к нему с оружіем» заявил есаул. — «Всѣ части Семенова сдавали нам оружіе и вы должны это сдѣлать», лаконично отвѣтил старик. — «Нам не извѣстно было ли это так, но если вы настаиваете, — мы можем вам оружіе продать, а, кромѣ этого, вы дадите нам эшелоны и безплатно отправите до Пограничной", говорил М.

„Если мнѣ будет нужно ваше оружіе я его от вас отберу", отрѣзал Чжан—Ку—ю, крикнул стражу и приказал ей отвѣсти есаула в комнату, обыскать и держать под домашним арестом.

Обстановка становилась болѣе серьезной, чем предполагал оптимистически настроенный унгерновскій офицер, но китайцы к неофиціально арестованному относились благодушно, накормили его и даже принесли ханшины—китайской водки. Есаул выпил ханы, немного подбодрился и стал думать что дѣло выходит скверное и он поступал

неправильно. Нужно было разрѣшаемый вопрос поставить в ультимативной формѣ и не просить, а требовать. Но было уже поздно.

На слѣдующій день, в восемь утра, к М вошел губернаторскій адъютант, капитан, прекрасно говорящій по русски. М. сразу же обратился к нему и заявил: „Капитан передайте генералу, что я не простой офицер, а парламентер от Азіатской конной дивизіи и требую к себѣ подобающаго отношенія. Наши силы не маленькія, и если наши требованія не будут выполнены, мы свое право достанем силой оружія. Адъютант выслушал, переспросил и быстро вышел.

Через час есаула повели к губернатору. Тот был вѣжлив и предложил садиться.

Он тихим голосом сказал офицеру: „Пропустить с оружіем мы вас не можем. Этого не позволяют наши законы. Что же вы хотите? — „Мы уважаем ваши законы, но тогда купите у нас все оружіе и отправьте нас безплатно по желѣзной дорогѣ в Пограничную", спокойно отвѣтил М.

— «Сам я этого сдѣлать не могу. Вы подождите, а я переговорю по прямому проводу с Чжян—Цзо—Бином», сказал Чжан—Ку—ю и встал.

— „Хорошо генерал, но должен вас предупредить, что через 48 часов кончается ультиматум и по истеченіи этого срока Азіатская дивизія двинется на Хайлар. И я прошу вас, чтобы не было недоразумѣній, — поторопитесь", в свою очередь объяснил есаул, поклонился и вышел из комнаты.

Через полчаса М., в сопровожденіи адъютанта уже был в городѣ. Он покупал себѣ бѣлье, а

потом пригласил китайскаго офицера вмѣстѣ пообѣдать. В ресторанѣ они засидѣлись. Китаец отказывался пить, но есаул твердо разъяснил ему: „Капитан если вы хотите меня оскорбить вы не будете пить. Если же вы считаете меня как друга, вы выпейте со мной". А через два часа они уже весело возвращались в штаб. Есаул посвистывал, а китайскій офицер шел впереди, производил ногами узоры, творил загогулины и громко пѣл какую то пѣсню.

Нѣсколько раз прислонясь к забору, он кричал: „Капитан, твоя, моя—игоян братка......Моя тебѣ пѣсни пой!" „Девяти дѣвушка надин я, куды дѣвушика туды я..." Бодро и весело вернулись в штаб, а через нѣкоторое время есаул приведшій себя в порядок, снова сидѣл у генерала в кабинетѣ и вел горячій торг. На вопрос пять тысяч за орудіе, по тысячѣ за пулемет, и пр., Чжан—Ку—ю отвѣтил, что они только дадут пособіе, т. е. офицеру по сто долларов и казаку по пятьдесят.

Безплатно отправят до Пограничной по желѣзной дорогѣ, а до посадки представят безплатный русскій стол. "Арестов производить не буду и во внутренній распорядок унгерновцев не вмѣшаюсь". Условія были подходящи, — могло быть хуже, и есаул согласился.

Послѣ этого началась дружеская бесѣда и когда генерал узнал о трагической участи барона Унгерна по его старческим щекам потекли слезы и он сказал: „Извините меня, но мнѣ так больно слышать об этом. Барон Унгерн был прекрасный человѣк и мой большой друг."

На слѣдующій день навстрѣчу Азіатской дивизіи выѣхало нѣсколько автомобилей. В первом ѣхал Чжан—Ку—ю с есаулом М., во втором штабные офицеры и в остальных везли подарки унгерновцам: колбасы, ветчину, хлѣб, водка, пиво, сигареты.

Дивизія уже форсированным маршем шла по китайской землѣ. Унгерновцы замѣтив автомобили, рѣшили, что сложный вопрос разрѣшом благопріятно и войсковой старшина Костромин подал громовую команду: „Азіатская дивизія, смирно! Господа офицеры!" Чжан—Ку—ю сошел с автомобиля и цермонными поклонами встрѣчал проходящія части.

Дивизія прошла и остановилась на бивуак.

Чжан—Ку—ю пошел в палатку к офицерам, поднял бакал шампанскаго за дружбу и счастье, поздравил казаков с окончаніем тяжелаго похода и уѣхал.

XXXII

ПОѢХАЛИ В ПРИМОРЬЕ.

Унгерновцы, довольные успѣхом переговоров и близким окончаніем похода, на радостях, гуляли три дня. Привезенных Чжан—Ку—ю подарков, в видѣ водки, не хватило и автомобили нѣсколько раз мчались в Хайлар и обратно подвозя подкрѣпленія. Дивизія гуляла и пьяными ходили не только унгерновцы, но и окрестныя китайскія заставы.

Картинки трехдневной стоянки были любо-

пытны и красочны. Казаки шатались в обнимку с китайцами и разговаривали об обуявших их чувствах. — „Друга! У меня восемь коней в табунѣ бѣгунцами были, а, ты, идолово хайло, развѣ чувствуешь это!..! Эх ты, образина! Дазай поцѣлуемся“, горячо говорил пьяный казак китайскому солдату, еще болѣе пьяному, и лѣз цѣловаться. Татары заунывно пѣли свои пѣсни, а то быстро вскидывались и схватывались за шашки......

Болѣе добродушные из них лежали вповалку с китайцами и усердно угошали друг друга разведенным на восемьдесят градусов спиртом. Китайцы ухмылялись, краснѣли от выпитаго спирта до красноты спѣлаго помидора и только покрикивали: „Русскіе люди, шанго!“ И были довольны так, как, навѣрное, никогда в жизни. Пир шел на зеленой муравѣ на всю монгольскую степь и только лошади не учавствовали в этом праздникѣ крѣпкаго русскаго вина и настворенія русской души, бестрасно наблюдая и выслушивая лишь страстныя увѣренія в любви их хозяев, лежащих у них под ногами и орущих: „Сѣрко! ты слышишь? Ты слышишь зараза, что ты у меня один не свѣтѣ остался...... Один, а ты пойми! Пойми, потому ты да я—сироты злосчастные!“ И хозяин начинал всхлипывать, а то и просто ревѣть, как ребенок у котораго отняли конфетку.

В командном составѣ водка также надѣлыла хлопот и недоразумѣній и продолжая она литься еще один, два дня, — много бы грѣха на землю прибавилось.

Освирѣпѣвшій от ѣдучей влаги, войсковой

старшина Костромин злоззадѣл полковника Островскаго, и тот не выдержал. Началась бурная сцѣнка и Костромин крикнул: „Эй, казаки! Разстрѣлять полковника Остовскаго!" Полковник учитывая общій разгул, понимая чѣм это кончиться, бросился в палатку офицеров 3 сотни. Он считал ее своею. Командир сотни немедленно же вызал сотню и разсыпал ее цѣпью около палатки. Татарская сотня с казаками разсыпались также в цѣпь и еще одно мгновеніе и началась бы страшная рѣзня. Но помогли командиры сотен. Они повели „дипломатическіе" переговоры и пока „послы" ходили от одного к другому, пьяный хмель окончательно окутал головы подчиненных и цѣпи заснули. А на утро уже не думали о разстрѣлах, ни об уязвленных самолюбіях. Дивизія строилась и вытягивалась на Хайлар.

И долгожданная мечта перваго и послѣдняго унгерновца—Хайлар, осуществилась. Для остатков Азіатской дивизіи китайцы на окрайнѣ отвели помѣщеніе, кормили их и не вмѣшивались в распорядок внутренней жизни частей до момента отправки. Унгерновцы прожили в этом городѣ 12 дней и спѣшно были отправлены послѣ случая с М. По доносу он был арестован китайцами и вѣсть об этом в одно мгновеніе дошла и до унгерновцев.

Они уже были безоружены, но, несмотря на это, быстро собрались и подошли к штабу. Войсковой старшина Костромин и д-р Рябухин вошли в штаб и категорически заявили Чжан—Ку—ю, что если М. немедленно не будет освобож-

ден. унгерновцы сейчас же обезоружат китайцев и сами наведут нужные порядки. Через десять минут М. был освобожден и унгерновцы вернулись в казармы. А на другой день для них был подан эшелон, пріѣхали китайцы и выдали деньги: по пятьдесят долларов офицерам и по 45 казакам.

Китайцы оставались китайцами и сумѣли нажить на офицерском пособіи по пятьдесят и на солдатском по пять долларов. Унгерновцы рѣшишили согласиться, вѣрнѣе, плюнуть на это, не начинать скандала и ѣхать в Приморье. Унгерновскій эшелон тронулся.

По условію, которое до Харбина китайцы точно выполнили, ни на одной из станцій к эшелону не подходили китайскіе солдаты, да послѣдніе предпочли даже на станціях и не показываться во время прохода унгерновской части.

Эшелон—поѣзд шел со скоростью курьерскаго.

XXXIII

КОНЕЦ АЗІАТСКОЙ КОННОЙ ДИВИЗІИ.

Поѣзд с унгерновцами, как сорвавшійся с привязи дикій конь, помчался в Харбин, зацѣпился за станцію Харбин-Старый и остановился. За время желѣзнодорожнаго пробѣга это была первая в нѣсколько часов остановка и унгерновцы рѣшили достать ѣды — продуктов, хлѣба, чаю и поѣсть. Нужно было и выпить, для чего от станціи немедленно же потянулись фигуры посыльных. Боль-

шинство офицеров, вмѣстѣ с войсковым старшиной Костроминым уѣхало в город.

Через час, полтора, над Старым-Харбином уже плыли заунывныя казачьи пѣсни, в районѣ станціи захлебывалась от восторга гармошка и замысловатые выкрутасы выдѣлывали нѣсколько танцоров. Около эшалона стояла толпа харбинцев, с большим интересом наблюдая за рѣдким зрѣлищем; нѣкоторые из них прикладывались к бутылочным горлышкам и оживленно бесѣдовали. Вблизи не было видно ни одного китайскаго солдата.

Так прошло нѣсколько часов и нѣкоторые, наиболѣе усердные к бушующей влагѣ, уже громко храпѣли у себя в вагонах, приняв живописныя позы группами и в одиночку. Наиболѣе стойкіе в „битвѣ с аклаголем" продолжали сражаться с бутылками; дорожка от станціи к первой гастрономической лавочкѣ замѣтно утаптывалась и расширялась. За начальника отряда оставался есаул М. Он сидѣл у себя в вагонѣ и наблюдал, чтобы веселье не вышло из границ дозволеннаго. Бѣжали часы. Харбин окутывали уже сумерки и в этот момент, с громкими возбужденными и возмущенными криками, прибѣжали к эшалону нѣсколько казаков. „Китайцы окружают эшалон! Китайскія цѣпи идут!" послышались громкіе голоса и в одно мгновеніе эшалон поднялся на ноги. Даже мертвецки пьяных что-то стихійное подняло на ноги и не успѣл есаул М. что либо сообразить, как унгерновцы построились и с бѣшенным „ура!" держа в руках вмѣсто оружія бутылки и палки бросились к поселку. Шагах в ста от эшалона протянулась цѣпь китайских войск. В мгновеніе

ока она была смята и унгерновцы отнимали от китайских солдат винтовки, а остальные мчались за убѣгавшими. Атака была короткая и через десять минут к есаулу принесли 60 винтовок. Унгерновцы вооружились ими и выставили впереди вагонов охраненіе. Через сорок минут на автомобилѣ примчался с офицерами войсковой старшина Костромин. Его в городѣ нашли китайцы, потребовали в штаб войск и передали, что унгерновцы напали на китайскія войска, а потому он должен принять мѣры или будет крупное столкновеніе. Костромин волновался. Китайскія же власти были испуганы тѣм что произошло в Старом Харбинѣ и через полчаса к эшалону подошел паровоз, свирѣпо гукнул, подцѣпил состав и помчал его дальше на Восток.

Унгерновцы пріѣхали на станцію Пограничная. Здѣсь их встрѣтили военные представители генерала Глѣбова, как начальника гарнизона семеновской группы в Гродеково, и представители меркуловскаго правительства. Тѣ и другіе приглашали унгерновцев влиться в их части. Пріемщики работали хорошо и не скупились на обѣщанія. Меркуловцы давали слово, что унгерновская часть не будет расформирована, глѣбовцы упирали на то, что унгерновцы принадлежат к коренным семеновским войскам. Унгерновцы рѣшили присоединиться к семеновским частям и для этого командировали ротмистра Исак и есаула М. в Гродеково к генералу Глѣбову, Офицеры выѣхали. Глѣбов принял их радушно и обѣщал не расформировывать. В Пограничную была подана телефонограмма и скоро унгерновскій эшалон подошел к

Гродеково.

Семеновцы встрѣтили унгерновцев с восторгом, а командный состав дал прибывшим офицерам банкет. Торжественная встрѣча прошла и наступили будни. Прошло пять, шесть дней, а приказаній о дальнѣйшей судьбѣ унгерновцев не поступало и начальника над ними не назначалось.

На седьмой день унгерновцам приказали построиться для смотра. Смотр производил генерал Провохенскій. Он обошел фронт и начал разбивку. По двадцать и по тридцать человѣк назначались в различныя гродековскія части. Генерал Глѣбов не выполнил своего обѣщанія — оставить унгерновцев отдѣльной войсковой частью.

Боевые соратники — боевой Азіатской конной дивизіи принуждены были разстаться и распылиться среди приморских частей. Таким образом, легендарная Азіатская конная дивизія генерал-лейтенанта Романа Федоровича барона Унгерн-Штернберга перестала существовать. Но чины ея, в разсѣяніи сущіе, помнят завѣты своего строгаго начальника и по первому зову Матушки-Руси, встанут в ряды Россійской Арміи, чтобы продолжать борьбу со слугами III-го Интернаціонала.

Конец.

ЛЕГЕНДЫ О БАРОНѢ УНГЕРНѢ.

ЛЕГЕНДА 1-я.

Шумит и гудит красный Ново—Николаевск. Толпами валит в Рев—Трибунал народ. Почему же так взволнован город? Что случилось? А случилось нѣчто важное. Сюда доставлен плѣненный гроза Монголіи — генерал-лейтенант барон Роман Федорович Унгерн—Штернберг. Сегодня над ним суд. Сегодня революціонный Трибунал руководствуясь своей „совѣстью" вынесет приговор этому страшному человѣку.

Долго коммунисты уговаривали барона принять должность коменданта г. Петрограда. Но гордый начальник непобѣдимой Азіатской Конной дивизіи с презрѣзрѣніем отклонил всѣ предложенія слуг III-го Интернаціонала.

Красным сукном затянута передняя стѣна зала. Как то неуклюже болтается портрет сифилитика Ленина, смотрящаго на строгих судей с горбатыми носами и с акцентом, который указывает на опредѣленное происхожденіе этих вершителей судеб своих политических врагов попавших в их цѣпкія руки. Зал полон. Больше никого не пропускают. Несмолкаемые разговоры и сплошной гул стоит в помѣщеніи. Но вот все вдруг стихло. Можно было слышать, как пролетит муха. Это ввели Унгерна... На нем монгольскій тарлык, на плечах генеральскіе погоны с трафаретом «А. С.» на груди скромно бѣлѣет георгіевскій крестик полученный им еще при Государѣ Императорѣ за лихую развѣдку в тылу непріятеля во время Ве-

ликой войны. Из уваженія к его храбрости большевики не содрали с плеч погон и не сорвали с груди бѣленькій крестик. Начинается допрос.

„Ваше, имя, отчество и фамилія,“ задает вопрос судья.

„Я начальник Азіатской Конной дивизіи генерал — лейтенант барон Роман Федорович Унгерн—Штернберг“—был громкій отвѣт. Высокая стройная фигура, большой открытый лоб, гордо поднятая голова, как всегда один ус опущен, другой торчит кверху, волосы взлохмачены. Во время всего допроса держится с достоинством.

„Признаете ли вы совѣтскую власть?—“

„Нѣт.“

„Почему?“

„Потому что благодаря тактики и дѣйствіям коммунистической партіи, систематически уничтожается моя Родина. Потому что Закон и Порядок исчез с лица Русской Земли“

„Ваши политическія убѣжденія“

«Монархист».

«Почему вы пороли своих подчиненных?»

«Это иногда помогает».

«Раскаиваетесь ли вы в своих дѣйствіях против РСФСР?“

„Нѣт“.

Был задан еще ряд незначительных вопросов, послѣ чего трибунал уходит на совѣщаніе.

Прошло томительных 15—20 минут и с торжественным видом выходит рев - трибунал и занимает свои мѣста. Секретарь громко, но нѣсколько волнуясь читает постановленіе трибунала:

„Бывшій Генерал Р. Ф. Унгерн—Штернберг за

то, что выступал против правительства РСФСР с оружіем в руках, командуя Азіатской Конной дивизіей, и тѣм наносил вред и ущерб РСФСР приговаривается к высшей мѣрѣ-наказанія — к смертной казни через разстрѣл". По залу пронесся гул, не то недоумѣнія, не то возмущенія.

Ни один мускул ни дрогнул на лицѣ „Бога войны", ни одним движеніем он ни выдал своего волненія при чтеніи приговора.

„Гражданин Унгерн, довольны ли вы приговором Рев-Трибунала?" Задает послѣдній трафаретный вопрос предсѣдатель. Воцарилось молчаніе. Присутствующая публика боялась громко вздохнуть. И эту тишину прорѣзал громкій и отчетливый голос барона. — „Да".

Окруженный чекистами, бывшій повелитель Монголіи с гордо поднятой головой, твердым шагом отправился в свою одиночку ждать приведенія в исполненіе приговора палачей Русскаго народа. Зал дрогнул от апплодисментов, но было только не понятно кому апплодируют. „Судьям" или так стойко и гордо держащемуся Н-ку Азіатской Конной Дивизіи.

Разсвѣт. Приговоренному к смертной казни барону Унгерну не спится. Он ждет своих палачей. Проходит много томительных минут пока гремя винтовками не вваливаются вооруженные с ног до головы чекисты. Унгерн перекрестился и вышел из камеры.

Моросил мелкій осенній дождь. Унгерн, окруженный толпой чекистов садится в грузовой автомобиль. Унгерн связан. Рѣзкій гудок автомобиля прорѣзал тишину спящаго города и грузовик

тронулся. Какая то старушка осѣнила себя крестным знаменіем и ускорила шаги от этого страшнаго мѣста.

Спустя полчаса за городом послышался залп, а не много позже этот же грузовик, но без Унгерна вернулся обратно.

ЛЕГЕНДА 2-я.

Монотонный гул идет по Монгольскому дацану, то монахи просят небо, чтобы боги спасли их страну от нашествія краснаго дьявола. Много горя видѣл Монгольскій народ во время нашествія краснаго звѣря, много горя он испытал и во время владычества китайцев. — Но, появился всадник на бѣлом конѣ, высокій стройный и могучій и спас Монгольскій народ от владычества ненавистных китайцев и посадил этот всадник на трон законнаго повелителя Монгольскаго народа живого бога-Богдо-Гыгена.

Этот таинственный всадник имѣл небольшое, но сильное и непобѣдимое войско. И назвали этого всадника монголы Джиджин Найон-бог войны.

Прошло много лѣт распылились воины бѣлаго всадника по землѣ Русской и только он Джинджин-Найон ушел в Монастырь и присоединился к монгольским ламам и молится вмѣстѣ с ними о спасеніи всего человѣчества от нашествія краснаго кровожаднаго звѣря.